

Мечь от кутюр

Автор:

[Розали Хэм](#)

Мечь от кутюр

Розали Хэм

Двадцать лет назад девчонку Тилли Даннедж изгнали из маленького городка Дангатар. Но однажды она вернулась – в ореоле славы ведущих парижских модных домов, в которых постигла искусство создавать роскошные туалеты.

На первый взгляд Тилли просто заботится о больной матери, а попутно одевает дамочек местного провинциального бомонда... Но на самом деле каждое мгновение, проведенное ею за швейной машинкой, каждый стежок и каждый щелчок ее ножниц – часть изоощренного плана мести обитателям Дангатара за зло, которое они ей когда-то причинили.

Розали Хэм

Мечь от кутюр

Rosalie Ham

THE DRESSMAKER

© Rosalie Ham, 2000

© Школа перевода В. Баканова, 2016

* * *

Понимание того, что ты безупречно одета, придает ощущение внутреннего спокойствия, которое не способна дать религия.

Высказывание мисс С. Ф. Форбс, процитированное Ральфом Уолдо Эмерсоном в эссе «Социальные цели»

Пролог

Путешественники, которые направлялись в Дангатар через желтые пшеничные поля по асфальтированному шоссе, сперва замечали на горизонте темное поблескивающее пятно. Вскоре пятно приобретало форму пологой горы. На вершине холма стоял ветхий, обшитый бурой вагонкой дом, угрожающе накренившийся к зеленому склону. Окончательно завалиться ему не давали лишь толстые ветви глицинии, которыми сооружение было «привязано» к массивному дымоходу. Когда поезд на Дангатар, покачиваясь, входил в плавный поворот к югу, пассажиры поднимали глаза и замечали за окном покосившийся коричневый домишко. По ночам свет из него был далеко виден на равнинах – слабая искра в жилище Чокнутой Молли мерцала в огромном море тьмы, будто маяк. После захода солнца холм накрывал город густой тенью, простиравшейся до самого элеватора.

Зимним вечером, сидя в междугородном автобусе, Миртл Даннедж пыталась разглядеть за стеклом огонек в окне материнского дома. Незадолго до этого она написала Молли письмо, а когда не получила ответа, набралась храбрости позвонить. Сухой голос в телефонной трубке произнес:

– У Молли Даннедж сто лет как телефон отключен, она уже и забыла, что это такое.

– Я писала... – сказала Тилли, – она не ответила. Может, не получила моего письма?

– Откуда полоумной старухе знать, что делать с письмом? – резко ответили на другом конце провода.

Тилли решила вернуться в Дангатар.

Часть I. Гинем

Гинем – легкая прочная ткань в клетку на светлом фоне.

Широко распространены красно-белые, сине-белые и серо-белые сочетания, возможны и другие цвета. В местах пересечения окрашенных нитей цвет получается более насыщенным.

Традиционный гинем из хлопка или льна служит для пошива летней одежды, а также домашнего текстиля: постельного белья, скатертей, занавесок.

Энциклопедия тканей

1

Сержант Фаррат разгладил форменную фуражку, щелчком сбил с лацкана пылинку и отдал честь своему подтянутому отражению в зеркале. Он направился к сияющему полицейскому автомобилю: пришло время вечернего объезда территории. Можно было не сомневаться, в округе все спокойно. Народ уже угомонился, мужчины легли спать, ведь завтра состоится футбольный матч, в котором горожане рассчитывают на победу своей команды.

Сержант остановил машину на главной улице и окинул взглядом здания под серебристыми крышами. Туман на цыпочках подобрался к домам, окутал их белесой дымкой, сбиваясь в клубки под воротными столбами и стенами, нитями легкой паутины повис между деревьями. Со стороны вокзального отеля доносились обрывки приглушенных разговоров. Сержант Фаррат скользнул глазами по автомобилям, припаркованным у паба: постоянные «моррис-миноры», «остины», грузопассажирский фургончик, «вулсли» советника Петтимена и представительный, хоть и старенький, «триумф-глория» Бомонтов.

Междугородный автобус, урча мотором, подъехал к почтамту и с шипением затормозил. Фары осветили бледное лицо сержанта.

– Кто-то приехал? – удивился он.

Дверь автобуса открылась, из салона вырвался треугольник света. Стройная молодая женщина легко сошла по ступенькам в туман. Волосы рассыпаны по плечам густыми волнами, на голове – берет, одета в пальто необычного покроя.

Сержант мысленно оценил стиль и вкус незнакомки.

Водитель вытащил из багажного отделения чемодан пассажирки, отнес его к крыльцу почтамта и оставил там, в неосвещенном углу. Вернулся за следующим, потом принес еще один, а в конце достал из багажника что-то вроде сундука с бочкообразной крышкой. На боку сундука золотыми буквами было выведено «Зингер».

Приезжая, подхватив сундук, посмотрела на реку, затем обвела взором улицу.

– Мать честная! – пробормотал себе под нос сержант Фаррат и проворно вышел из машины.

Услышав, как хлопнула дверца авто, пассажирка повернулась и двинулась к западу, в сторону холма. Автобус за ее спиной с ревом уехал, красные огоньки задних фонарей быстро растворились во мраке. Она прекрасно слышала приближающиеся шаги.

– Миртл Даннедж, ну и ну!

Та, кого называли Миртл, пошла быстрее, сержант Фаррат – тоже, на ходу рассматривая ее изящные сапожки (итальянские?) и брюки, пошитые явно не из саржи.

– Миртл, давай помогу.

Она не сбавляла ход, поэтому сержант рывком догнал ее и выхватил из руки сундук, заставив резко развернуться. Они стояли и сверлили друг друга глазами. За эти годы Тилли превратилась во взрослую женщину, а вот сержант Фаррат постарел. Он смущенно хмыкнул, прикрыв рот бледной ладонью, передернул плечами и понес сундук в машину. Закинув на заднее сиденье последний из чемоданов Миртл, распахнул пассажирскую дверцу. Когда она села, сержант развернул авто и направился на восток.

– Ну что, поедем длинной дорогой, – произнес он.

Тилли поежилась.

Машина словно плыла сквозь туман. Обогнув овал футбольного поля, сержант Фаррат сообщил:

– В этом году наши на третьем месте.

Тилли молчала.

– Ты ведь из Мельбурна приехала, так?

– Да, – коротко ответила она.

– Надолго домой?

– Пока не знаю.

Они вновь ехали по главной улице. Из окон школьного спортзала раздавались крики детей – пятничными вечерами там обычно играли в софтбол. Потом до слуха Тилли донеслись радостные визги, смех и плеск купающихся на речке. Когда сержант Фаррат миновал угловое здание библиотеки и выехал на дорогу,

ведущую к холму, она вдруг ощутила запах навозенного библиотечного линолеума, перед глазами мелькнули пятна крови на сухой траве у входа. Нахлынули воспоминания: много лет назад тот же самый человек отвозил ее на остановку автобуса. Тилли напряглась еще сильнее.

Наконец полицейский автомобиль преодолел путь к вершине холма и остановился. Не выходя из машины, Тилли разглядывала свой старый дом. Сержант в это время смотрел на нее. Какая белая кожа у малышки Миртл Даннедж, а глаза и волосы – точь-в-точь как у матери! Внешне она кажется сильной, но заметно, что в жизни ей досталось.

– Миртл, кто-нибудь знает, что ты приехала? – спросил сержант.

– Меня зовут Тилли. Скоро все будут знать.

Сквозь пелену, сотканную из тумана и лунного света, она взглянула в лицо сержанта Фаррата, на котором застыло ожидание.

– Как дела у Молли? – спросила Тилли.

Полицейский открыл дверцу со своей стороны.

– Твоя мать... давно не выходит.

Туман вокруг веранды клубился волнами и топорщился, словно оборки на юбке, когда сержант Фаррат заносил на крыльцо чемоданы Тилли. Подняв массивный сундук с крышкой, похожей на бочонок, он произнес:

– У тебя чудесная швейная машинка, Тилли.

– Я швея. Портниха.

Она открыла заднюю дверь.

– Отлично. – Сержант беззвучно поаплодировал.

– Спасибо, что подбросили, – поблагодарила Тилли и скрылась в доме.

По дороге назад сержант Фаррат пытался вспомнить, когда в последний раз заезжал к Чокнутой Молли. Он не видел ее по меньшей мере год, но знал, что Мэй Максуйни за ней приглядывает. Портниха, надо же, улыбнулся он про себя.

В доме Молли было сыро и воняло мочой опоссумов. Тилли пошарила рукой по пыльной стене, нащупала выключатель и зажгла свет. Пересекла кухню и гостиную, прошла к камину мимо облезлого мягкого уголка, обивка которого задубела от грязи. Потрогала угли: холодные.

Тилли приблизилась к спальне матери, повернула ручку и толкнула дверь. В углу на прикроватной тумбочке тускло горела лампа.

– Мам, – позвала Тилли.

Под грудой одеял что-то зашевелилось. На замусоленной подушке, набитой свалевшимся капоком, показался обтянутый кожей череп в стеганом чепце. На месте рта зиял темный провал. Глубоко запавшие глаза посмотрели на Тилли.

Старая Молли Даннедж, лишившаяся рассудка, пробормотала:

– Вы, поди, насчет пса пришли? Не забирайте. Мы хотим его оставить. – Старуха дернула тощим подбородком, указывая на толпу невидимок подле кровати. – Правда же?

– Что они с тобой сделали... – ужаснулась Тилли.

Из-под одеяла высунулась рука в заскорузлой перчатке без пальцев. Молли посмотрела на свое костлявое запястье.

– Половина пятого, – изрекла она.

Тилли достала из чемодана бутылку бренди, которую купила для матери, села на задней веранде и устремила взор на смутные очертания спящего Дангатара. От чего она уехала? К чему вернулась?

На рассвете она со вздохом выпила за маленький унылый городок и вернулась в дом. Прогнала из бельевого шкафа несколько выводков мышей, свивших уютные гнезда между полотенцами; избавилась от пауков и разрушила их кружевные дома-паутины, сплетенные под абажурами; вымела из ванной комнаты кучу пыли и мусора, выкинула дохлого воробья и открыла кран. Сперва оттуда потекла холодная бурая жижа, а когда струя очистилась и стала горячей, Тилли отмыла ванну, наполнила ее и бросила в воду цветки лаванды из сада. Подняла мать из грязной постели, под руки повела шатающуюся старуху к ванне. Чокнутая Молли ругалась, царапалась и пинала дочь тонкими, словно комариные лапки, ногами, но быстро устала и послушно опустилась в воду.

– Всякий знает, красное-то желе дольше держит форму, – хрипло заявила Молли, выкатив безумные глаза и обнажив зеленые десны.

– Дай мне свою челюсть, – сказала Тилли.

Мать намертво стиснула зубы. Тилли прижала руки Молли к груди, лишив ее возможности отбиваться, а потом зажала ей нос. В конце концов старухе пришлось открыть рот, чтобы вдохнуть. Тилли поддела вставную челюсть ложкой, вынула и бросила в банку с нашатырем. Молли верещала и колотила по воде руками до изнеможения, потом затихла. Пока мать отмокала в ванне, Молли сняла грязное постельное белье и вытащила матрасы на траву прожариться под солнцем.

Уложив иссохшее тело матери в кровать, Тилли принялась поить ее с ложечки сладким чаем, не переставая разговаривать. Молли грубила, огрызалась, несла чепуху, но, по крайней мере, отвечала. Затем она уснула. Тилли вычистила печь, набрала в саду сухих веток для растопки и развела огонь. Дым устремился вверх по трубе; опоссум, устроившийся на крыше, затопотал по балкам. Тилли настежь открыла все окна и двери и начала выбрасывать ненужные вещи. На улицу полетела древняя швейная машинка, побитый молью манекен, уже непригодное устройство для отжима белья, старые газеты, коробки, грязные занавески, вытертые половики, кушетка вместе с колченогими стульями, сломанный стол, пустые консервные жестянки и стеклянные бутылки. Вскоре вокруг небольшого домика выросли груды рухляди.

Когда Молли проснулась, Тилли провела ее через двор в уборную, где усадила на стульчак. Она спустила панталоны матери на щиколотки, подол ночной рубашки заткнула под кофту, а руки привязала поясом от халата к двери уборной, чтобы старухе не вздумалось уйти. Молли кричала до тех пор, пока не охрипла. Тилли разогрела консервированный томатный суп, посадила мать на солнышко (теперь на ней была надета рубаха, митенки, чепец, носки и тапки, а сверху для тепла – одеяло) и стала ее кормить. Все это время Чокнутая Молли болтала без умолку. По окончании трапезы Тилли вытерла перепачканный рот матери и спросила:

– Тебе понравилось?

– Да, благодарю, нам все пришлось по вкусу, – церемонно ответила та и одарила милостивой улыбкой воображаемых участников банкета, после чего извергла содержимое желудка прямо на странную незнакомку, которая – Молли это поняла! – хотела ее отравить.

Тилли опять стояла на веранде; ветер прижимал брюки к ее стройным ногам. Снизу кольцами поднимался пар – он шел из котла во дворе Максуйни. Приезжие считали ржавые железнодорожные вагоны и щербатые фургоны у подножия холма частью свалки, однако в этих сооружениях обитало семейство Максуйни. Эдвард Максуйни, городской золотарь, славился умением вычистить любую уборную и выгребную яму в Дангатаре в самую темную и ненастную ночь, не пролив ни капли. Днем он занимался доставкой вещей и разъезжал по улицам на своей телеге вместе с сыном Барни и кучей ребятишек на задке.

В детстве Миртл часто наблюдала, как играют отпрыски Максуйни: старший сын, на пару лет моложе ее самой, три девочки и «малость недоделанный» Барни – горбун с кривой шеей, который к тому же подволакивал ногу.

Город нежился в ярких лучах утреннего солнца. Вокзал, площадь и серебристый элеватор располагались вдоль железнодорожных путей, дугой отгораживавших от реки здания, похожие на россыпь веснушек вокруг носа. Речка в Дангатаре всегда была неглубокой и ленивой, берега ее заросли ивами и рогозом, над водой звенели тучи moskitov. Первопоселенцы Дангатара не стали осушать заливную пойму у излучины реки, и теперь это место превратилось в парк с городским клубом в центре. На восточной окраине города стоял низкий,

разбухший от сырости коттедж супругов Олменак, через дорогу – их же аптека. На западе располагалась школа, в которой с незапамятных времен учила детей Пруденс Димм.

Главная дорога повторяла изгиб парка, отделяя его от делового квартала. Полицейский участок находился восточнее, на полпути между кладбищем и границей города, тоже у дороги. Машин тут проезжало немного; на обочине стояли несколько магазинчиков, аптека, привокзальный отель, а далее – «Коммерческие товары. А. и М. Пратт», универсам, где продавалось все, что угодно. Почтамт, банк и телефонная станция занимали следующее здание, а в последней, самой западной постройке разместились Совет графства и библиотека. Территорию жилых домов, рассыпанных позади коммерческого квартала, делила надвое узкая дорожка, посыпанная гравием, – она вела к стадиону с овальным футбольным полем[1 - Поле для игры в австралийский футбол имеет вид овала размерами 185 м в длину и 155 м в ширину (допускаются небольшие отклонения). – Здесь и далее примеч. пер.].

Зеленый глаз поля смотрел прямо на Тилли, припаркованные вокруг машины напоминали ресницы. В доме заворочалась и закряхтела мать, по крыше опять пробежал опоссум.

Тилли подошла к манекену, который лежал на траве, поставила его вертикально, окатила водой из шланга и оставила просыхать на солнце.

2

По утрам в субботу главная улица Дангатара гудела под напором фермерских грузовиков и добротных английских автомобилей, перевозивших семьи богатых овцеводов. Малышей оставляли на попечение старших братьев и сестер или отправляли в парк, чтобы матери могли пройтись по магазинам и посплетничать. Мужчины стояли небольшими группами, поглядывали на небо и обсуждали погоду. Бледные, широкие в кости женщины в цветастых сарафанах и шляпках из фетра сидели за грубо сколоченными деревянными столами и продавали лотерейные билеты.

Сержант Фаррат миновал молодого человека, ссутулившегося за рулем пыльного «триумфа-глории», и перешел через дорогу к универсаму Праттов. На тротуаре перед магазином он встретил Мону Бомонт.

– Доброе утро, Мона, – поздоровался он. – Вижу, твой брат благополучно вернулся домой.

– Мама сказала, мы обойдемся без наемных работников. Этот мистер Максуйини... – Мона имела привычку растягивать слова, поэтому в разговоре с ней сержант Фаррат тоже невольно старался придавать голосу певучести.

– Не торопись. Вполне вероятно, какая-нибудь из наших девиц на выданье окрутит Уильяма, не успеешь и глазом моргнуть, – насмешливо улыбнулся он. – Раз-два, и твой братец уже занят.

Мона чуть подвинулась в сторону и начала теревить манжет своей кофты на пуговицах.

– Мама говорит, местные девушки – гру-убые и приземленные.

Сержант Фаррат окинул взглядом твидовый берет Моны, распластанный на голове, точно дохлая кошка, ее опущенные плечи и тяжеловесную фигуру.

– Ну что ты, Мона, мы живем во времена независимости и прогресса, так что быть приземленным, практичным и подкованным в какой-то области – это скорее преимущество, особенно для представительниц прекрасного пола.

При упоминании половой принадлежности Мона хихикнула.

– Возьмем, к примеру, семейство Пратт, – продолжал сержант. – Мюриэль и Гертруда разбираются в самых разных вещах, знают, как избавить мериноров от паразитов, продают корм для цыплят и порошки против пухоедов, а еще торгуют галантереей, вареньем и дамским бельем. Таких везде возьмут на работу.

– Но мама говорит, это так гру-убо...

– Да-да, я в курсе, твоя матушка – весьма утонченная особа.

Сержант с улыбкой приподнял фуражку и вошел в магазин. Мона достала из манжета смятый носовой платочек, прижала его к открытому рту и растерянно заморгала.

Элвин Пратт, его жена Мюриэль, дочь Гертруда и мясник по имени Реджинальд Блад энергично трудились каждый у своего прилавка. Гертруда отвечала за бакалею и галантерейные товары. Каждую покупку она обвязывала шпагатом, который отрывала без помощи ножниц, голыми руками, что, по мнению сержанта Фаррата, указывало на определенное мастерство. Миссис Мюриэль Пратт была экспертом по скобяным изделиям и предметам мужского туалета, причем поговаривали, что в первых она разбирается больше, нежели во вторых. Мелкоштучная кулинария и мясной отдел располагались в дальнем конце магазина, где Реджинальд разделявал туши, резал мясо, набивал фаршем овечьи кишки, а затем аккуратно развешивал ожерелья из колбас над рядами отбивных, выложенных на прилавки. Мистер Элвин Пратт имел обходительные манеры и душу скупердяя. Он трижды в день собирал с прилавка все чеки и вел алфавитный перечень должников, который держал в своем кабинете за стеклом. Покупатели, стоявшие в очереди, как правило, поворачивались к нему спиной, пока Гертруда взвешивала овсяные хлопья или подавала жаропонижающие порошки, потому что в это время мистер Пратт демонстративно доставал из больших выдвижных ящичков тетради и принимался медленно листать страницы в синюю клетку.

Сержант Фаррат подошел к Гертруде, крупной застенчивой девушке в темно-синем платье с цветочным рисунком. За стойкой она стояла неестественно прямо, словно аршин проглотила. Ее мать, полная, невыразительная дама, облокотилась на соседний прилавок.

– Гертруда, Мюриэль, как поживаете?

– Прекрасно, сержант, большое спасибо.

– Надеюсь, вы пойдете смотреть, как наши ребята завоюют сегодня кубок?

– В магазине много дел, сержант Фаррат, – ответила Гертруда. – Сперва работа, потом отдых.

Сержант задержал взгляд на лице девушки.

– Ах, Гертруда, крепкой лошадке всегда найдется поклажа. – Повернувшись к миссис Пратт, он с улыбкой произнес: – Мюриэль, не отмерите ли мне гинема в голубую клетку? К нему мне понадобится косая бейка в тон. Хочу повесить занавески в ванной.

Холостяцкие привычки сержанта были известны; он часто покупал материю на скатерти и шторы. Мюриэль считала, что у него наверняка лучшее столовое белье во всем городе.

Пока миссис Пратт отмеряла пять метров ткани, сержант Фаррат разглядывал в витрине пуговицы, а затем взял отрез, приложил к груди и разгладил, вдыхая аромат новой, еще жесткой ткани. Мюриэль тем временем подготовила оберточную бумагу.

Гертруда опустила глаза: под прилавком лежал номер «Женского иллюстрированного журнала». «Ковбойская юбка своими руками!» – кричала надпись на обложке. Симпатичная девушка кружилась, демонстрируя широкую юбку из веселенького гинема в голубую клетку, выкроенную по косой и украшенную бейкой с бантиками. Гертруда тайком улыбнулась себе под нос и проводила взглядом покупателя. Высокий, плотный сержант Фаррат с коричневым свертком под мышкой вышел через переднюю дверь и, перейдя дорогу, направился к машине Бомонтов. Их «триумф-глория» был припаркован недалеко от парка, на водителском месте кто-то сидел. Гертруда сделала шаг к двери, но из глубины магазина раздался властный окрик Элвина Пратта: «Гертруда, покупательница просит мякину!» Она прошла мимо длинных полок под низким потолком с вентиляторами к заднему входу, туда, где на залитой солнцем гравийной дорожке стояли Мона и Элсбет Бомонт.

Миссис Бомонт была о себе очень высокого мнения и вечно задирала нос. Дочка фермера, Элсбет вышла замуж за сына богатого скотовода, хотя впоследствии оказалось, что богатство отнюдь не такое большое, как она воображала перед помолвкой. Это была маленькая, сухая женщина с длинным, острым носом и надменным выражением лица. Как всегда, она была одета в темно-синее льняное платье, с плеч свешивалась горжетка из лисицы. На безымянном пальце поверх тоненького золотого ободка в бликах солнца сверкал крохотный брильянт. Ее дочь молча стояла рядом, теребя носовой платок.

Мюриэль, в затрапезном платье и грязном переднике, разговаривала с Элсбет.

– Наша Герти – очень милая и толковая девица. Когда, вы говорите, вернулся Уильям?

– Уильям вернулся? – тут же спросила Гертруда, расплывшись в улыбке.

– Да, и... – начала Мона, но миссис Бомонт ее перебила:

– Я жду!

– Солнышко, миссис Бомонт желает купить мякины, – промурлыкала Мюриэль дочери.

Воображение Гертруды нарисовало мешок мякины, подвешенный к носу миссис Бомонт.

– Хотите, я добавлю в мякину овса, миссис Бомонт? – предложила Гертруда.

Элсбет возмущенно втянула воздух, мертвая лисья голова на ее плече привстала.

– Жеребец Уильяма ест только чистую мякину, – отрезала миссис Бомонт.

– Готова спорить, вы – не единственная, кто рад возвращению вашего сына, – сказала Мюриэль и легонько толкнула Элсбет локтем.

Элсбет покосилась на Гертруду – та, склонившись над бочкой, насыпала мякину в холщовый мешок, – и громко заявила:

– Уильяму предстоит много работы в поместье. Вникнет в дела, обживется и станет трудиться на благо семьи. Конечно, наш Уильям не будет замыкаться только на работе. Он много путешествовал, вращался в обществе... Он теперь очень светский молодой человек, так что подходящую... партию ему придется искать... не здесь.

Мюриэль понимающе закивала. Гертруда подошла к Элсбет, наклонилась к покупательнице и провела рукой по горжетке. Пушинки рыжего меха медленно спланировали вниз.

– Там что-то белое, миссис Бомонт, на шкурке вашей бедной лисицы, – заметила Гертруда.

– Мякина, разумеется, – поджала губы Элсбет и презрительно засопела, глядя вдаль.

– Нет-нет, – невинно улыбнулась Гертруда. – Это другое. Похоже, вам надо прикупить нафталина. Принести коробочку? – Она вновь протянула руку, выщипнула клочок побитой молью шкурки и отпустила в воздух.

Проплешины на облезлом мехе не укрылись от цепких взглядов матери и дочери. Элсбет вознамерилась что-то сказать, но Мюриэль глухо промолвила:

– Мякина стоит как обычно.

Уильям Бомонт-младший прибыл в Дангатар накануне вечером, всего на несколько часов раньше Тилли Даннедж. Он окончил сельскохозяйственный колледж в Армидейле, таком же маленьком провинциальном городке, как Дангатар. Когда Уильям сошел с поезда, Элсбет Бомонт бросилась ему навстречу, зажала в ладонях его щеки и провозгласила: «Сынок, наконец-то ты вернулся домой, к своему будущему! Наконец-то ты снова рядом с матерью!»

Сейчас он ожидал ее и сестру, сидя в семейном авто. На коленях у него лежал смятый номер «Аргуса», объединенной газеты Уинерпа и Дангатара. Уильям смотрел на вершину холма, где стояла хижина. Из трубы в небо поднимался дымок. По слухам, хижину много лет назад выстроил один охотник, собираясь использовать ее как сторожевую вышку, чтобы не подпускать к городу бродяг и разбойников. Едва достроив сооружение, он внезапно умер. Местные власти выкупили дом и землю под ним, а позже устроили у подножия холма свалку. При последующей продаже лачуга задешево ушла вместе с участком.

На секунду Уильям представил, как хорошо было бы жить там, наверху, в отдалении от людей. Он вздохнул и перевел взор восточнее, на кладбище, а затем – еще дальше, за полицейский участок на окраине города, за выщербленные кирпичные фасады магазинов и обшитые вагонкой домики, краска на которых давно облупилась. Взгляд Уильяма был устремлен на плоские равнины, отведенные под сельское хозяйство.

– Это мое будущее, – решительно пробормотал он. – Я сделаю жизнь в этом месте достойной.

Уильяма вдруг охватили сомнения в собственных силах, он опустил голову, подбородок его задрожал.

Дверца автомобиля открылась, и Уильям подпрыгнул от неожиданности. Мона аккуратно села на заднее сиденье.

– Мама велит подъехать, – сказала она.

Уильям подогнал машину к задней двери универсама Праттов. Загружая в багажник мякину, он заметил в широком проеме крупнотелую хозяйскую дочку. Гертруда, в чьей улыбке сквозили надежда и ожидание, стояла рядом со своей некрасивой матерью в легкой дымке зерновой пыли на фоне рыболовных снастей, газонокосилок, тросов, автомобильных и тракторных покрышек, поливочных шлангов, конской сбруи, эмалированных ведер и садовых вил.

Когда Бомонты отъехали, Мона пожаловалась, шмыгнув носом:

– Всякий раз после поездки в город у меня случается приступ сенной лихорадки.

– Мне тоже делается дурно, – надменно процедила Элсбет, разглядывая жителей Дангатара.

Продавщицы из уличных киосков, посетители и владельцы магазинов стояли на тротуаре и глазели на вершину холма.

– Кто сейчас живет в хижине Чокнутой Молли? – поинтересовался Уильям.

– Молли и живет, если еще не умерла, – отозвалась Элсбет.

– Кто-то явно жив, раз в доме топится печь, – заметил Уильям.

Элсбет резко обернулась и прильнула к заднему окну.

– Стой! – крикнула она.

Сержант Фаррат задержался на крыльце Совета графства. Посмотрев на вершину холма, он оглядел улицу. Нэнси Пикетт опиралась на свою облезлую метлу перед входом в аптеку, Фред и Перл Бандл брели из бара навстречу сестрам Димм, Рут и Пруденс, которые стояли перед почтамтом. В своем кабинете на втором этаже советник Эван Петтимен взял чашку с кофе и повернул вращающееся кресло к окну, чтобы насладиться видом. Не успев сесть, он вскочил, пролил кофе и выругался.

Бьюла Харриден со всех ног неслась по узким улочкам и громким шепотом сообщала кумушкам-домохозяйкам, вышедшим на крохотные газоны в халатах и бигуди: «Она вернулась! Миртл Даннедж вернулась!»

Обитательница свалки Мэй Максуйни наблюдала за своим сыном Тедди, застывшим посреди заднего двора. Тедди пялился на стройную девушку, чьи волосы развевались на ветру. Девушка, одетая в брюки, стояла на веранде хижины Чокнутой Молли. Мэй скрестила руки на груди и нахмурилась.

Сержант Фаррат стоял у стола, сосредоточенно высунув кончик языка. Он оценивающе провел пальцем по острым зубчатым лезвиям и начал резать ткань. Гинем легко захрустел под ножницами. Ребенком Горацио Фаррат жил с матерью в Мельбурне над лавкой модистики, а когда подрос, выбрал службу в полиции. Только после церемонии торжественного выпуска из академии Горацио решился подойти к начальству со своими эскизами и выкройками: он разработал новую полицейскую форму.

Констебль Фаррат немедленно получил назначение в Дангатар, где погода имела склонность к резким переменам, а в остальном все было тихо и спокойно. На радость местным властям, новый блюститель порядка оказался еще и

мировым судьей и, в отличие от своего предшественника, не стал вступать в футбольный клуб или требовать бесплатного пива. Умея кроить и шить, сержант сам обеспечивал себя одеждой и головными уборами соответственно сезону. Брюки и пиджаки не всегда выгодно подчеркивали фигуру, зато существовали в единственном экземпляре. Сержант Фаррат с удовольствием надевал их во время своего ежегодного отпуска, но в Дангатаре носил исключительно дома. Он любил брать отпуск весной и проводить эти две недели в Мельбурне, делая покупки, посещая театры и модные показы в универмагах «Майерс» и «Дэвид Джонс». Тем не менее возвращаться в Дангатар было всегда приятно. Сад требовал заботы, да и вообще сержант Фаррат любил свой город, свой дом и свою работу. Он уселся за швейную машинку марки «Зингер», поставил ступни в носках на ножную педаль и начал шить, продвигая ткань юбки под стрекочущей иглой.

Гудки автомобильных клаксонов и нарастающее возбуждение зависли над стадионом. Молодые парни на трибунах пили пиво, мужчины постарше, в шляпах и серых пальто, толпились перед раздевалками, шумно выражая эмоции, и даже их жены сегодня оторвались от вязанья, чтобы поболеть за свою команду. В опустевшем буфете пирожки, оставленные разогреваться в духовке, сгорели дотла, а ребяташки, укрывшись за огромной кастрюлей с хот-догами, слизывали с пряников сахарную глазурь.

Толпа взревела, вновь загудели клаксоны: Дангатар повел в игре.

Шум и крики со стадиона в прозрачном воздухе пасмурного дня доносились и до привокзального отеля. Заслышав их, Фред Бандл принес еще стульев из сада. Когда-то организм Фреда был насквозь проспиртован, а кожа походила на тряпку, которой вытирают столы. Однажды он вышел из-за барной стойки и открыл люк в подвал, намереваясь принести бочонок пива. Фред потянулся за фонарем, шагнул назад и исчез – рухнул на бетонный пол подвала с высоты в три метра. Он принес бочонок, отработал смену до конца и закрыл бар, как обычно. Когда на следующее утро он не спустился к завтраку, Перл пошла посмотреть, в чем дело. Откинув одеяла, она увидела багровые, чудовищно распухшие ноги мужа, бывшего футболиста, которые напоминали теперь стволы эвкалипта. Врач диагностировал двойные переломы обеих бедренных костей. После того случая Фред Бандл завязал с выпивкой.

Напевая себе под нос, Перл хлопотала на кухне: мыла салат-латук, резала помидоры и намазывала маслом ломти пышного белого хлеба для сэндвичей. Как хозяйка гостиницы и жена владельца бара, Перл придавала большое значение собственной привлекательности. Искусственная блондинка, она каждый вечер укладывала волосы, красила ногти и губы в алый цвет и повязывала на голову ленту в тон. Перл обожала бриджи и туфли на шпильке без пятки. Пьяницы в ее присутствии почтительно снимали шляпы, фермеры приносили парных кроликов и кабачки с грядок. Женщины Дангатара презрительно морщились и фыркали: «Ты сама делаешь себе прически, а, Перл? Может, и мне сделаешь хорошую укладку за деньги?» «Они просто завидуют», – успокаивал Фред и щипал жену за зад, так что каждое утро Перл улыбалась своему бело-красному отражению в зеркале туалетного столика и повторяла: «Зависть – это грех, но уродливость – грех еще больший».

Прозвучал финальный свисток, с трибун грянул гимн дангатарского футбольного клуба. Фред и Перл обнялись за барной стойкой. Сержант Фаррат на секунду оторвался от своего занятия и коротко провозгласил:

– Ура!

У себя в аптеке мистер Олменак финального свистка не услышал. Он увлеченно перебирал фотографии, только что доставленные из фотоателье в Уинерпе. Мистер Олменак рассматривал снимки при свете открытого холодильника, который хранил немало секретов: рыбий жир, пасты, разноцветные таблетки в склянках с ватными заглушками, кремы, патентованные пилюли, слабительные и рвотные порошки, средства против болезней почек, линименты от опрелостей, банки с живицей, мази для уничтожения волосяных паразитов, пузырьки из цветного стекла и бутылки в оплетке с плесневыми культурами, эффективными при женских недомоганиях, или вытяжками из органов скота против зуда в паху у мужчин; закись олова от нарывов, чирьев и ячменя, примочки и трубки для лечения свищей, хлороформ и нюхательные соли, притирания, минералы и красители, кристаллы, воск и абразивные материалы, смертельные яды и противоядия, магнезия и кислоты против опухолей, ланцеты, иглы и рассасывающиеся нити, травы и abortивные средства, средства для снятия тошноты, жаропонижающие, грелки, затычки для ушей, увлажняющие масла и инструменты для извлечения посторонних предметов из различных отверстий человеческого тела. Мистер Олменак лечил горожан средствами из своего холодильника, и только мистер Олменак знал, что и зачем нужно. (Ближайший доктор, между прочим, находился на расстоянии тридцати миль.)

Мистер Олменак внимательно изучал квадратные черно-белые фотографии Фейт О'Брайен: вот улыбающаяся Фейт вместе с мужем Хэмишем на вокзале; вот Фейт О'Брайен откинулась на расстеленном пледе возле черного «форд-перфекта», принадлежащего Реджинальду Бладу. Блузка полурасстегнута, подол задрался, из-под юбки видна комбинация...

– Развратники! – глухо пробормотал мистер Олменак и сунул фотографии обратно в бело-голубой конверт. Скрюченной рукой он извлек из глубины холодильника баночку белой пасты. Фейт приходила к мистеру Олменаку и шепотом сообщила ему, что у нее «чешется... там». Теперь ясно, что причина дискомфорта Фейт вовсе не связана с ее похотливым мужем. Мистер Олменак открутил крышку и понюхал содержимое, затем потянулся к раковине за чистящим средством «Лилия» в открытой жестянке. Зачерпнул пальцами немного средства, добавил его к пасте, размешал, вновь закрутил крышку и поставил баночку в первый ряд на верхней полке.

Мистер Олменак закрыл дверь и ухватился обеими руками за торец холодильника. Крякнув, старик повернул одревенелое, сгорбленное туловище чуть влево, затем чуть вправо и принялся раскачиваться, пока не сумел оторвать ногу от пола и сдвинуться с места. Действуя таким образом, мистер Олменак перекинул себя через небольшое помещение и затормозил, только когда врезался в противоположный прилавок. Столы и прилавки в аптеке мистера Олменака были пусты. Все предметы, выставленные на виду, размещались либо в стеклянных ящиках, укрепленных металлической проволокой, либо на полках с высокими бортиками, как у бильярдного стола, дабы ничего не упало и не разбилось, когда мистер Олменак о них тормозит.

Прогрессирующая болезнь Паркинсона скрючила его тело, превратила в согбенный вопросительный знак, заставляя передвигаться мелкими нетвердыми шажками по аптеке и на коротком отрезке через дорогу до дома, низкого и сырого строения. Лишь столкновение с мебелью и спасало мистера Олменака, когда Нэнси, помощницы, не было в аптеке. Посетители же привыкли общаться только с его лысеющей макушкой, которая торчала из-за богато отделанной медной кассы, издававшей мелодичный звон. Болезнь наступала, а с ней росло и недовольство мистера Олменака состоянием тротуаров в Дангатаре. Он уже даже написал по этому поводу письмо советнику, мистеру Эвану Петтиму.

Съездившись у прилавка, мистер Олменак терпеливо дожидался Нэнси. Наконец она появилась.

– Э-эй! Босс, я пришла.

Нэнси бережно взяла аптекаря за локоть, подвела к входной двери, плотно надвинула шляпу на его опущенную голову, обернула шею шарфом, завязав мягкий узел, чтобы приподнять подбородок на место. Присев перед стариком на корточки, Нэнси заглянула ему в лицо.

– Сегодня шансы были практически равными, босс! Мы победили 8:2. У наших ребят не обошлось без травм, но я заверила их, что у вас найдется целых пять литров мази и сколько угодно эластичных бинтов.

Она погладила шею мистера Олменака, искривленную недугом, одела его в белое пальто и вместе с шаркающим стариком двинулась к мостовой. Напротив у парадных ворот в кресле-каталке сидела миссис Олменак. Нэнси убедилась, что на улице нет машин, легонько толкнула старика, и он засеменил по выгнутому широкой дугой асфальту в объятия миссис Олменак, которая держала на вытянутых руках подушку. Шляпа мистера Олменака уткнулась точно в подушку – он благополучно прибыл домой.

В кухне усадьбы «На семи ветрах» Элсбет Бомонт, стоя у добротной английской плиты фирмы «Ага», любовно поливала жиром жаркое из свинины: ее сын любил мясо с хрустящей корочкой.

Уильям Бомонт-младший в эти минуты был на стадионе – перебрасывался шутками в раздевалке, пропахшей по?том, несвежими носками, мылом «Палмолив» и согревающей мазью; вместе с голыми игроками стоял в клуба?х влажного пара душевой. Он чувствовал себя как дома в этой грубоватой мужской атмосфере, среди разбитых, зеленых от травы колен, песен, крепких словечек. Бок о бок с Уильямом, пружиня на носках и прикладываясь к фляжке, широко улыбался Скотти Пуллит. Скотти, щуплый парень с нездоровым румянцем, страшно кашлял от того, что выкуривал по пачке «Кэпстена» в день; кончик его носа-картошки был лиловым по той же причине. Из него не вышло ни хорошего мужа, ни жокея, однако успех и популярность все же настигли Скотти, когда тому удалось получить отличный арбузный самогон. Свою винокурню он прятал на берегу реки. Бо?льшую часть продукта Скотти употреблял сам, остальное продавал или отдавал Перл в обмен на еду, сигареты и крышу над головой.

– А как тебе первый гол в третьем тайме? Р-раз, и мяч в воротах! После этого дело было за малым – только дожждаться финального свистка... – Он захохотал, но потом согнулся в мучительном приступе кашля, длившемся до посинения.

Фред Бандл откупорил бутылку с ловкостью профессионального бармена и наклонил горлышко. Темная жидкость быстро наполнила бокал. Фред поставил его перед Хэмишем О’Брайеном и принялся перебирать монеты на влажном полотенце. Тот уставился на свой «Гиннесс», ожидая, пока осядет пена.

Приближалась первая волна футбольных болельщиков. С громкими песнями они прошли по улице и ввалились в бар, шлейфом принеся за собой прохладный воздух и радость победы. Возбужденная толпа моментально заполнила помещение.

– Ах вы мои молодцы! – воскликнула Перл и раскинула руки, светясь улыбкой.

Ее внимание неожиданно привлек профиль молодого человека. Правда, такое случалось часто, однако на этот раз лицо было из прошлого, а Фред сделал все возможное, чтобы помочь Перл похоронить прошлое. Она стояла с распростертыми руками и не сводила глаз с молодого человека, который пил пиво в окружении горлающих футболистов и болельщиков. Молодой человек обернулся и посмотрел на нее; нос у него был в пивной пене. Перл почувствовала, как внизу живота все сжимается. Чтобы не упасть, ей пришлось опереться на барную стойку. Брови сами собой собрались у переносицы, уголки рта поползли вверх.

– Билл? – нерешительно произнесла она.

За спиной Перл вырос Фред.

– Уильям больше похож на отца, верно, Перли? – заметил он и сжал ее локоть.

– Вы приняли меня за призрака? Я – Уильям, – сказал молодой человек и вытер пену с носа, улыбнувшись совсем как его отец.

Возле барной стойки появился Тедди Максуйни.

- Перл, у нас есть хотя бы призрачный шанс получить пиво?

Перл глубоко, прерывисто вздохнула.

- Тедди, форвард наш бесценный, ты сегодня добыл нам победу!

Максуини затянул клубный гимн, Уильям подхватил его, и вскоре вся толпа опять оглушительно распевала. Перл продолжала наблюдать за Бомонтом-младшим. Тот хохотал над каждой шуткой и вызывался платить за выпивку, даже когда была не его очередь, стараясь вписаться в компанию. Фред, в свою очередь, не спускал глаз со своей Перли.

Сержант Фаррат, сидевший в другом конце зала, поймал взгляд Фреда и показал на свои наручные часы. Время приближалось к семи часам вечера. Фред поднял вверх большие пальцы, давая добро. У выхода сержант задержался, чтобы надеть фуражку. К нему подскочила Перл.

- Говорят, Миртл Даннедж вернулась в город?

Сержант молча кивнул и взялся за дверную ручку.

- Надеюсь, ненадолго? - не отставала Перл.

- Не знаю, - ответил сержант Фаррат и вышел.

Футболисты и болельщики принялись закрывать стеклянные двери и окна щитами из прессованного картона, оставшимися еще с войны для светомаскировки при ночных авианалетах.

Перл вернулась за стойку, налила кружку пива с высокой, пышной шапкой пены и, мило улыбаясь, аккуратно поставила ее перед Уильямом.

Сидя в машине, сержант Фаррат оглянулся на бар. В тумане заведение напоминало включенный радиоприемник: по краям щитов пробивался свет, изнутри доносились веселые голоса спортсменов и болельщиков, празднующих победу, звон кружек и песни. В этот вечер едва ли стоило ожидать появления окружного инспектора.

Сержант Фаррат завел машину. «Дворники» размазывали по стеклу вечернюю росу. Сначала он съездил к реке и проверил, не обчистили ли воры винокурню Скотти, затем пересек железную дорогу и направился в сторону кладбища. Позади надгробий сержант заметил «форд-перфект» Реджинальда Блада. Стекла запотели, машина ритмично покачивалась.

В салоне «форда» Реджинальд смотрел на большие груди Фейт О'Брайен.

– Фейт, ты такая нежная, такая утонченная, – промурлыкал он и коснулся губами бархатистой бежевой ареолы вокруг ее затвердевшего соска.

В это время Хэмиш, муж Фейт, сидел в баре вокзального отеля и слизывал бежевую пену со своей пинты «Гиннеса».

3

После Барни супруги Максуйни сделали передышку, но потом привыкли к нему, решили, что не так уж он и плох, и совсем скоро опять взялись строгать детей. Всего они произвели на свет одиннадцать отпрысков. Мэй души не чаяла в своем первенце: Тедди, проворный, хитрый, умный и осмотнительный, был удальцом и красавцем. По четвергам он играл в карты, по пятницам резался в «орлянку», по субботам устраивал танцы, был букмекером на скачках, срывал куш в день Мельбурнского кубка[2 - Мельбурнский кубок – знаменитые скачки на ипподроме Флемингтон-парк в пригороде Мельбурна, самый престижный двухмильный гандикап в мире.] и первым кидал клич к сбору средств, если кому-то на те или иные цели требовались деньги.

Говорили, что Тедди способен продать матросу морскую воду. Ценный игрок, ключевой форвард дангатарской футбольной команды, само обаяние и любимец девушек, но при всем этом... Максуйни. Бьюла Харриден звала его не иначе как лодырем и жуликом.

Тедди сидел перед фургоном на продавленном автобусном сиденье, стриг ногти на ногах и поглядывал на дымок, что поднимался из трубы в хижине Чокнутой Молли. В глубине двора сестры стирали простыни, сгибая и разгибая спины над

большим старым корытом, которое также служило семейной ванной, поилкой для лошади, а летом, когда речка мелела и кишела пиявками, – еще и бассейном для малышни. Мэй Максуйни перебросила мокрые простыни через телеграфный провод, натянутый между вагончиками, и расправила их, взмахом руки согнав ручного розового какаду. Мэй была практичной, лишенной фантазии женщиной, пухленькой и аккуратной, с молочной кожей и веснушками на лице. Она носила пестрые хламиды свободного покроя и пластмассовый цветок за ухом. Вынув изо рта прищепки, Мэй обратилась к старшему сыну:

– Помнишь Миртл Даннедж? Уехала из города еще девчонкой, когда...

– Помню, – отозвался Тедди.

– Вчера она целыми тачками вывозила мусор на свалку.

– Ты с ней разговаривала?

– Она не желает ни с кем разговаривать. – Мэй снова взялась за белье.

– Еще бы. – Тедди задержал взгляд на вершине холма.

– Симпатичная девушка, только, говорю же, держится особняком.

– Я слышал, что ты сказала, мам. Она тоже с приветом?

– Да нет.

– Ну, мамаша-то у нее чокнутая.

– Хорошо, что мне больше не надо таскать наверх еду. Я и без того надрываюсь. Сынок, принесешь нам к ужину кролика?

Тедди встал, засунул большие пальцы в шлевки серых саржевых брюк и слегка подался вперед, словно собираясь уходить. Мэй знала: он принимает такую позу, когда что-то обдумывает.

Элизабет и Мэри отжали простыню, скрутив ее между собой, как толстую сливочную тянучку. Маргарет забрала простыню у сестер и плюхнула в плетеную корзину.

- Опять фрикасе из кролика? Не хочу-у... - жалобно прохныкала девочка.

- Хорошо, принцесса Маргарита, - фыркнула Мэй, - может, твоему брату посчастливится раздобыть фазана и трюфелей - там, на пустыре. А не желаете оленины?

- Я бы не отказалась, - вздохнула Маргарет.

Тедди вышел из фургона с винтовкой двадцать второго калибра за плечом. Поймал за грядками парочку гладких хорьков, посадил их в клетку и отправился на охоту в компании трех бойких джек-рассел-терьеров.

Потрескивание огня в камине и дробный топот опоссума на крыше разбудили Молли Даннедж. Держась за стены, она добрела до кухни. Худенькая девушка опять крутилась возле печи - размешивала в кастрюле отраву. Молли опустилась в ветхое кресло у огня, девушка протянула ей тарелку каши. Старуха упрямо отвернула голову.

- Еда не отравлена, - сказала девушка. - Все это ели.

Молли обвела взглядом комнату: никого.

- Что ты сделала с моими друзьями? - подозрительно осведомилась она.

- Они поели и ушли, - улыбнулась Тилли. - Сейчас дома только мы с тобой, мама.

- Долго ты здесь пробудешь?

- Пока не решу уехать.

- Тут нечего делать.

– Как и везде. – Тилли поставила тарелку на стол перед матерью.

Молли зачерпнула кашу и спросила:

– Зачем ты вернулась?

– Хочу тишины и покоя, – просто ответила Тилли.

– Черта с два! – заявила старуха и метнула содержимое ложки в дочь.

Горячая каша, точно расплавленная смола, обожгла руку Тилли. На коже вздулся волдырь.

* * *

Тилли закрыла рот и нос платком, завязанным сзади; поверх широкополой соломенной шляпы натянула мешок из-под лука и приспособила его на шее с помощью шнурка. Брючины засунула в носки и, толкая перед собой пустую тачку, двинулась вниз по склону. На свалке Тилли спустилась в мусорную яму и стала копаться в зловонных остатках пищи и размокших газетах. Над ее головой роились мухи. Пытаясь вытащить из кучи инвалидную коляску, наполовину зарытую среди отбросов, она вдруг услышала мужской голос:

– У нас дома есть точно такая же, причем исправная. Можешь ее взять.

Тилли подняла глаза. У ног говорившего, наострив уши, сидели три мелких пса коричнево-белой расцветки. Парень держал клетку, в которой извивались хорьки, на одном плече у него висело ружье, а через другое была перекинута связка из трех убитых кроликов. Жилистый, не очень высокий, кепка сдвинута на макушку.

– Я – Тед Максуйни, а ты – Миртл Даннедж, да? – Он улыбнулся, обнажив ровные белые зубы.

– Откуда ты знаешь?

– Я много чего знаю.

– Мэй, твоя мать, заходила к Молли, верно?

– Ну да, бывало.

– Передай ей спасибо. – Тилли зарылась глубже, разбрасывая в стороны банки из-под консервированных фруктов, кукольные головы и гнутые велосипедные колеса.

– Сама передашь, когда придешь за коляской, – невозмутимо произнес Тед.

Тилли продолжала раскопки.

– Вылезай оттуда, – предложил Тед и добавил: – Конечно, если хочешь.

Тилли разогнулась и вздохнула, рукой отогнав от лица мух. Она начала карабкаться по дальнему склону свалки, как раз рядом с канавой, куда глава семьи Максуйни сливал ночные горшки. Тед обошел вокруг и к тому моменту, когда Тилли добралась до верха, уже стоял там. Она выпрямилась, подняла голову и от неожиданности потеряла равновесие. Тед схватил ее, удержал на месте. Оба заглянули в канаву, где булькала бурая жижа. Тилли высвободилась из его объятий.

– Ты напугал меня, – сердито сказала она.

– Это мне надо тебя бояться, разве не так? – задорно подмигнул Тед.

С этими словами он развернулся и, насвистывая, зашагал вдоль по склону.

Дома Тилли сорвала с себя всю одежду, бросила ее в огонь, пылавший в печи, а потом долго отмокала в горячей ванне. Она думала о Тедди Максуйни и о том, отнесутся ли к ней другие горожане столь же дружелюбно. Тилли сушила волосы у камина, когда из своей комнаты, шаркая, вышла Молли.

– А, вернулась. Чаю хочешь?

– С удовольствием, – кивнула Тилли.

– Тогда и мне налей чашку.

Молли села в кресло, взяла кочергу и поворошила угли в камине.

– Встретила на свалке знакомого? – хихикнула она.

Тилли налила кипятка в чайник и достала из буфета две чашки.

– У нас тут ничего не утаишь, – продолжила старуха. – Все про всех всё знают, только языки за зубами придерживают, потому что не хотят, чтобы и про них всякого порассказали. Но ты – дело другое. Изгоев травить никому не запрещается.

– Возможно, ты права, – произнесла Тилли и разлила по чашкам крепкий сладкий чай.

На следующее утро она обнаружила перед задней дверью старенькую инвалидную коляску из ветхой лозы, с потрескавшейся кожаной обивкой и дребезжащими стальными колесиками. Коляску недавно мыли; от нее резко пахло дезинфектантом.

4

В субботнем расписании значился матч между Итекой и Уинерпом. Победитель должен был сыграть с Дангатаром в финале через неделю.

Тилли Даннедж вела неустанную трудовую битву до тех пор, пока дом не засиял чистотой. Теперь все содержимое буфета было подчищено, все консервы съедены. Молли сидела в коляске на испещренной солнечными пятнами веранде. Позади нее на стене уже начала распускаться глициния. Тилли плотнее прикрыла колени матери шерстяным клетчатым пледом.

– Я знаю таких, как ты, – закивала Молли, молитвенно сложив худые прозрачные пальцы.

Хорошее питание укрепило ее тело и дух, частично вернуло ясность рассудка. Она усвоила главное: чтобы противостоять этой гадкой девице, которая прочно обосновалась в доме, потребуется хитрость, упорное сопротивление, а иногда и грубая сила. Тилли расчесала непослушные седые волосы, дала матери сумочку через плечо, водрузила ей на голову широкополую соломенную шляпу, затем надела солнцезащитные очки, спустила коляску с веранды и покатила по ковру из зубровки и веселых желтых одуванчиков.

У ворот они остановились и посмотрели вниз. На главной улице сновали посетители магазинов, некоторые стояли, собравшись небольшими группами. Тилли набрала в грудь побольше воздуха и двинулась в путь. Всю дорогу до подножия холма Молли орала, вцепившись в поручни коляски.

– Ты все-таки хочешь, хочешь меня убить! – верещала старуха.

– Ни в коем случае. – Тилли вытерла вспотевшие ладони о брюки. – Другие преспокойно бросили тебя умирать, а я спасла. Теперь они попытаются убить меня.

На углу перед поворотом на главную улицу Тилли опять остановилась. Лоис Пикетт, толстуха с прыщавым лицом, и худая как палка злобная Бьюла Харриден этим утром заправляли в уличной торговой палатке.

– Что это? – встрепенулась Лоис.

– Кресло-каталка! – определила Бьюла.

– И его везет...

По соседству с ними Нэнси бросила подметать дорожку и замерла с метлой в руке, уставившись на фигуры, мелькающие в полосах света и тени.

– Она самая. Миртл Даннедж, – заключила Бьюла Харриден. – Ну и нахалка!

- Ну-ка, ну-ка...

- Это надо же!

- А с ней - Чокнутая Молли!

- Мэриголд знает?

- Нет! - рявкнула Бьюла. - Мэриголд вообще никогда ничего не знает!

- Я уже почти забыла о девчонке.

- Да уж, наглости ей не занимать.

- Вот это развлечение!

- А волосы-то...

- Крашенные!

- Сюда направляются...

- Только посмотри, как она одета!

- Ох ты, батюшки...

- Тс-с-с!

Отверженные приблизились. Лоис поспешно взяла в руки вязанье, Бьюла принялась разглаживать бумажные крышечки на банках с домашним вареньем. Отчаянно пытаюсь унять дрожь в коленях, Тилли остановилась у ларька и улыбнулась соседкам в эластичных чулках и вязаных кофтах.

- Доброе утро, - поздоровалась Тилли.

- Ах, как вы нас напугали, - притворно вздрогнула Лоис.

- Да это же Молли, а с нею, если не ошибаюсь, юная Миртл, - констатировала Бьюла. - Вернулась из... откуда? - Она вперилась в солнцезащитные очки Тилли.

- Издалека.

- Как поживаешь, Молли? - изобразила любезность Лоис.

- Не жалуясь, - отрезала Молли.

Она не сводила глаз с пирожных. Тилли окинула взглядом содержимое большой плетеной корзины под красной целлофановой пленкой: консервированная ветчина, тушенка, ананас, персики, пакетик драже, рождественский пудинг, растворимый горячий шоколад фирмы «Мило», веджимайт[3 - Веджимайт - густая горьковато-соленая паста темно-коричневого цвета на основе дрожжевого экстракта, национальное блюдо Австралии. Используется в качестве спреда, который намазывают на хлеб, сэндвичи и крекеры, а также для начинки типичных австралийских булочек. Веджимайт изготавливают из остатков пивного сусла и различных вкусовых добавок.] и антисептический бальзам в круглых плоских баночках. Женщины в упор смотрели на Тилли.

- Это лотерейные призы, - сообщила Лоис, - их предоставил мистер Пратт. Средства от розыгрыша пойдут в футбольный клуб. Лотерейные билеты - по шесть пенсов.

- А, вот как. Я, пожалуй, возьму пирожное, шоколадный бисквит с кокосом, - вежливо сказала Тилли.

- Не вздумай, - громко предупредила Молли, - а не то отравимся насмерть.

Лоис скрестила на груди руки.

- Вы только подумайте!

Рот Бьюлы превратился в ниточку, брови взлетели вверх.

– Тогда, может, это? – спросила Тилли, указывая на эклер, и прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

Молли посмотрела на солнце, лучи которого, словно раскаленные стальные штыри, пронзали отверстия в ребристой металлической крыше.

– Крем наверняка прогорк. Безопаснее всего – рулет с джемом.

– Сколько стоит рулет? – спросила Тилли.

– Два...

– Три! Шиллинга! – выпалила Лоис, испекшая шоколадные бисквиты, и метнула на Молли взгляд, чреватый лесным пожаром.

Тилли передала три шиллинга. Лоис сунула рулет ей в руки и тут же отшатнулась, как от прокаженной. Толкая впереди себя коляску, Тилли вошла в универсам Праттов.

– Грабеж среди бела дня! – прокомментировала Молли. – У этой Лоис Пикетт чесотка. Вдобавок она давит прыщи и ест гной из-под ногтей. Посыпает бисквиты кокосовой стружкой, только чтобы замаскировать свою перхоть. Зато мнит себя чистюлей и убирает в доме Ирмы Олменак. Кстати, на твоём месте у Бьюлы Харриден я бы из принципа ничего не брала, уж такая она сволочь, такая сволочь...

Мюриэль, Гертруда и Редж замерли, когда Тилли вкатила в магазин коляску. Они продолжали остолбенело стоять, пока Тилли изучала скудный ассортимент овощей и фруктов, а затем взяла с полки несколько пачек разной крупы и сгрузила покупки на колени матери. Когда посетительницы перешли в отдел тканей, Элвин Пратт выскочил из своего стеклянного кабинета к прилавку. На просьбу Тилли отмерить три метра зеленого креп-жоржета Элвин услужливо кивнул:

– Разумеется!

Мюриэль упаковала отрез в коричневую бумагу, Элвин прижал сверток к груди и растянул рот в улыбке. Зубы у него были темные.

– Очень необычный оттенок зеленого, – улыбаясь, сообщил он, – поэтому у нас на него скидка. Что ж, если постараться, из этого вполне можно что-нибудь пошить. Скатерть, например.

Тилли открыла кошелек.

– Сперва попрошу вас погасить долги вашей матушки. – Улыбка исчезла с лица Элвина, он протянул руку за деньгами.

Молли сосредоточенно изучала ногти на руках. Тилли расплатилась. На улице, указав большим пальцем назад, она фыркнула:

– Лживый торгаш.

Они направились в аптеку. Перл, которая поливала из шланга дорожку, обернулась им вслед, разинув рот. Фред был в подвале, и когда струя воды из шланга стала бить прямо в распахнутый люк, взревел от злости и высунул наружу голову. Он тоже заметил Чокнутую Молли с дочкой. Нэнси, вытаращившая глаза, уже и забыла про свою метелку.

Мистер Олменак стоял за кассой.

– Доброе утро, – сказала Тилли его круглой лысой макушке.

– Здравствуйте, – пробормотал он в пол.

– Дайте противоядие или слабительное. Меня травят! – крикнула Молли.

Лысая голова мистера Олменака зашевелилась, на ней появились морщины.

– Это я, Молли Даннедж, я еще не умерла. Как поживает ваша бедная жена?

– Ирма чувствует себя превосходно, – последовал ответ аптекаря. – Чем могу служить?

Вошла Нэнси Пикетт с метлой в руке. У нее было квадратное лицо, широкие плечи и мальчишеская походка. В школе она сидела за спиной Тилли, всячески дразнила и издевалась над ней, окунала косичку в чернильницу, а по дороге домой не отказывала себе в удовольствии вместе с другими детьми побить Тилли. Нэнси всегда хорошо дралась и легко размазала бы любого, кто попытался бы обидеть ее старшего брата Бобби.

– Что ты задумала? – спросила она, глядя на Тилли в упор.

– Моя еда отравлена, – громко прошептала Молли; Нэнси наклонилась к ней поближе. – Она подкладывает яд мне в пищу.

Нэнси понимающе кивнула:

– Ясно.

Тилли взяла с соседнего столика несколько порошков от изжоги и помахала ими перед лицом мистера Олменака. Аптекарь поднял худую, с разбухшими венами руку, постучал по кнопкам кассы и с силой нажал. Послышался шорох, мелодичное звяканье, потом глухой звук, и мистер Олменак привычно пробубнил:

– Шесть пенсов, пожалуйста.

Тилли рассчиталась. Проходя мимо Нэнси, она вполголоса произнесла:

– Если я и в самом деле соберусь ее прикончить, то скорее всего сверну ей шею.

Перл, Фред, Элвин, Мюриэль, Гертруда, Бьюла, Лоис, а также все утренние посетители магазинов и просто зеваки наблюдали, как по дороге в парк незаконнорожденная девица везет в инвалидной коляске свою безумную мамашу, ведьму и распутницу.

- Что-то мне спину жжет, - пожаловалась Молли.

- Пора бы и привыкнуть, - сказала Тилли.

На берегу реки они остановились посмотреть на утят. Птенцы изо всех сил старались успеть за мамой-уткой, борясь с течением и флотилией листиков и веточек. Молли и Тилли прошли мимо Ирмы Олменак. Пожилая женщина с ярким пледом на коленях и обезображенными суставами, похожими на корни имбиря, грела косточки, сидя у калитки среди роз. Миссис Олменак страдала ревматоидным артритом. Постоянная боль проложила на ее лице глубокие морщины. Случались дни, когда уже от одного дыхания иссохшие кости скрипели, а мышцы горели огнем. Она предсказывала дождь, порой за целую неделю, и служила живым барометром для фермеров, практически никогда не ошибаясь в своих прогнозах. Мистер Олменак не верил в силу фармацевтических препаратов. «Лекарства вызывают привыкание, - говорил он. - Все, что нужно для здоровья, - Божье прощение, чистая душа и правильная пища, мясо и хорошо приготовленные овощи».

Ирма мечтала скользить во времени, как скользит масло по поверхности воды, грезила о жизни без боли и скрюченного мужа-зануды, который то намертво застревал в каком-нибудь углу, то проедал жене мозги, вещая о грехе - причине всех недугов.

- У тебя всегда были чудесные розы, - заметила Молли. - Что с тобой случилось?

Брови Ирмы приподнялись, она втянула носом аромат нежных лепестков, но глаза не открыла.

- Молли Даннедж?

- Угу. - Молли вытянула руку и ткнула пальцем в лиловый, распухший кулак.

Лицо Ирмы исказилось от боли, она со свистом втянула воздух.

- Болит, да? - участливо спросила Молли.

- Немного. - Ирма наконец посмотрела на нее. - Как поживаешь, Молли?

- Кошмарно, хотя мне запрещено жаловаться. Что с твоими глазами?

- Артрит добрался и до них. - Ирма слабо улыбнулась. - Да и ты, вижу, в инвалидном кресле.

- Так удобно моей поработительнице.

Тилли заглянула в лицо аптекарши и сказала:

- Миссис Олменак, меня зовут...

- Я знаю, кто ты, Миртл. Хорошее решение - вернуться домой к матери. И очень смелое.

- Вы столько лет присылали ей еду...

- Не стоит об этом. - Ирма бросила предостерегающий взгляд на аптеку.

- Я бы тоже про это помолчала, твоя стряпня просто ужасна, - вставила Молли и с ехидцей добавила: - Муженек твой нынче еле ходит. Как ты справляешься?

Тилли в извиняющемся жесте положила легкую - легче перышка - ладонь на ледяное плечо миссис Олменак. Ирма улыбнулась.

- Персиваль говорит, на все воля Божья.

Прежде муж обвинял ее во многих прегрешениях, за которые она расплачивалась подбитым глазом или рассеченной губой. С годами, когда он усох и съезжился в шаркающего калеку, побои прекратились.

Ирма перевела взор на другую сторону улицы, где покупатели магазинов и прохожие, выстроившись рядами, наблюдали за разговором трех женщин. Тилли попрощалась и покатила коляску вдоль берега в направлении к дому.

Надежно устроив Молли у камина, Тилли села на веранде и скрутила папироску. Внизу суетливо двигались люди, точно цыплята, роющиеся посреди огорода. Иногда они задирали головы, бросали взгляды на вершину холма и тут же поспешно отворачивались.

5

Мисс Пруденс Димм учила дангатарцев читать, писать, умножать и делить. Здание школы стояло через дорогу от почтамта, которым заведовала ее сестра Рут. По утрам в субботу и вечером по средам Пруденс исполняла обязанности библиотекаря. Белокожая, крупная, близорукая, она являла разительный контраст с сестрой – миниатюрной, худощавой и загорелой, с кожей цвета потрескавшегося ила на дне пересохшего пруда. Ночные смены на телефонной станции Рут делила с Бьюлой Харриден, но в одиночку отвечала за погрузку корреспонденции на ежедневный поезд, получение писем и посылок, равно как за их сортировку и доставку. Кроме того, по просьбе горожан Рут пополняла депозиты, обналачивала чеки, вносила платежи за коммунальные услуги и страховки.

Нэнси Пикетт лежала на широкой кожаной кушетке в зале почтамта. Ее голова покоилась в плавном изгибе бедра Рут. Позади беззвучно дремала коммутаторная установка – целая стенка из световых индикаторов, шнуровых пар, гнезд и наушников. Ветви бугенвиллеи настойчиво царапали стекло.

Нэнси проснулась, вскинула голову и заморгала. Она лежала голышом, молочная кожа покрылась мурашками, соски затвердели, точно световые выключатели. Рут потянулась и зевнула. На улице хрустнула ветка: Бьюла Харриден кралась вдоль стены почтамта.

– Бьюла! – прошипела Нэнси.

Схватив платье, она метнулась за коммутаторную станцию. Рут прыгнула на свое рабочее место, щелчком зажгла верхний свет и крикнула:

– С добрым утром, Бьюла!

Снаружи доносился хруст обрезанных терновых колючек и поломанных сучьев, по которым шла Бьюла. Нэнси быстро преодолела короткий отрезок улицы, пролезла между оторванными досками в заборе, через открытое окно забралась к себе и мягко спрыгнула на темно-красный линолеум.

Лоис, ее мать, лежала в постели и давила угри на носу, засунув вчерашние трусы под подушку.

Нэнси на цыпочках прошла в ванную, побрызгала на лицо водой, потом схватила сумочку и направилась на кухню, где Бобби готовил смесь для ягнят – разводил в теплой воде порошковый заменитель молока. На Рождество Нэнси подарила ему собаку, решив, что парнишка отвлечется и перестанет сосать палец. К несчастью, недавно пес, прилежно охранявший дом и имущество, умер от укуса бурой гадюки. В свободное время Бобби играл в футбол и спасал животных. Среди спасенных были многочисленные черепахи, один варан, синезыкий сцинк и несколько тутовых шелкопрядов, от которых решили избавиться одноклассники.

– Доброе утро, сестренка.

– Привет, опаздываю. Мистер О. не любит ждать.

Бобби разлил теплую смесь в пивные бутылки, выставленные на раковине.

– Ты не позавтракала. Нужно что-нибудь съесть; вредно начинать день без завтрака.

Он натянул на горлышки резиновые соски.

– Ладно, выпью молока.

С полки на дверце холодильника Нэнси взяла бутылку, встряхнула, поднесла к губам и принялась пить, потом сунула бутылку на место и стала медленно пробираться сквозь ораву голодных животных на заднем крыльце: кормежки ожидали три ягненка, две кошки, теленок, детеныш кенгуру, голуби, сороки,

куры и хромой вомбат.

Отпирая аптеку, Нэнси вновь увидела на улице Бьюлу Харриден. Голени у той были расцарапаны, к кофте прицепился лиловый лепесток. Нэнси вышла на тропинку, улыбнулась.

– Еще раз с добрым утром, миссис Харриден! – окликнула она.

Бьюла оглянулась.

– Одна из этих... – зашипела она, но вдруг охнула, прикрыла рот ладонью и умчалась.

Нэнси, одновременно довольная и озадаченная, открыла дверь аптеки, подошла к зеркалу, чтобы причесаться, и только тогда поняла, чем напугала Бьюлу: вокруг рта у нее красовались белые молочные «усы». Она хихикнула.

В понедельник в восемь пятьдесят утра сержант Фаррат уже привел себя в порядок и облачился в наглаженную до хруста темно-синюю униформу. Фуражка лихо сидела на макушке, юбка туго обтягивала бедра и крепкий зад, а задние швы на нейлоновых чулках тянулись ровно, как струны. Новая юбка из гинема, крахмаленная и отглаженная, висела позади него на вешалке, зацепленной за дверцу платяного шкафа. Пылесос засасывал внутрь последние ниточки, красноречиво свидетельствовавшие о занятии сержанта.

Бьюла Харриден стояла на крыльце полицейского участка, прижав лицо к стеклу, вглядываясь в мутный сумрак помещения. Она барабанила в дверь, но никто не открывал.

Сержант выключил пылесос и аккуратно намотал шнур на держатель. Снял форменную юбку и вместе с юбкой из гинема убрал ее в шкаф, который предусмотрительно запер. Несколько секунд помедлил, с наслаждением оглаживая нейлоновые чулки и новые кружевные трусики, потом надел форменные брюки, носки и туфли и посмотрел в зеркало на свое отражение. Пора приступать к работе.

Продрогшая Бьюла переминалась с ноги на ногу. Сержант Фаррат бросил взгляд на часы, отпер парадную дверь. Бьюла влетела внутрь, как смерч.

– Из-за футбольных болельщиков всю ночь лаяли собаки, – захлебывалась она, – а поскольку вы их не утихомирили, сегодня утром я позвонила советнику Петтимену, и он сказал, что сам займется этим вопросом, а я опять написала вашему начальству, и уж на этот раз рассказала про все, про все. Зачем нам нужен полицейский, который не следит за соблюдением законности, а устанавливает свои порядки? Ваши часы врут, вы имеете привычку опаздывать, а по пятницам – я знаю! – уходите с работы раньше положенного.

У Бьюлы Харриден были светлые, навывкате глаза с вечно красными белками, бульдожья нижняя челюсть и крупные выступающие зубы, растущие вкривь и вкось. Из-за этого она постоянно прикусывала верхнюю губу, а в уголках ее неудачно скроенного рта собиралась и пересыхала слюна. Сержант заключил, что из-за проблем с прикусом Бьюла недоедает и по причине неполноценного питания вечно злится и бросается на людей, буквально как собака. Пока миссис Харриден продолжала свою трескотню, сержант Фаррат положил на стойку чистый бланк, заострил карандаш и вывел: «Понедельник, девятое октября. Время – 9.01»...

Бьюла в неистовстве затопала ногами.

– Ко всему прочему, в город вернулась дочка Чокнутой Молли, убийца! И молодой красавчик Уильям Бомонт – тоже, да-да! Вместо того чтобы взяться за дела или позаботиться о бедной матери, он шатается по улицам и пьянствует вместе с этим хулиганьем из футбольной команды. Уж поверьте, сержант, если ему в голову взбредет какая-нибудь блажь, нам всем не поздоровится. Знаю я, что бывает с мужчинами, которые уезжают в большие города. Некоторые вообще переодеваются в женщин и...

– Откуда вам это известно, Бьюла?

– Отец предупреждал меня, – криво улыбнулась она.

Сержант Фаррат в упор посмотрел на нее, вздернув светлые брови.

– А ему-то откуда знать?

Бьюла растерянно заморгала.

- Что у вас сегодня стряслось?

- На меня напали! Утром! Малолетние бандиты!

- И как они выглядели?

- Как, как – невысокие, чумазые...

- В школьной форме?

- Вот именно.

Сержант подробно записал показания Бьюлы. «Сержант Горацио Фаррат, начальник Дангатарского полицейского участка, принял заявление миссис Бьюлы Харриден. Миссис Харриден стала жертвой нападения мародерствующих школьников. Рано утром сего дня двое мальчиков и девочка школьного возраста незаконно проникли в частные владения миссис Харриден и были замечены ею при попытке бегства. Миссис Харриден обвиняет троих упомянутых школьников в том, что они ободрали жакарандовое дерево, растущее на участке миссис Харриден, и забросали плодами крышу ее дома».

- Это были оборванцы Максуйни, я видела! – верещала Бьюла, распространяя вокруг себя острый запах пота. Капли слюны, вылетавшие изо рта, летели прямо на страницы регистрационного журнала.

Сержант забрал бланк, журнал и отступил назад. Бьюла, качнувшись, вцепилась в стойку; ее зубы опять оцарапали нижнюю губу.

- Ладно, поедем к Эдварду и Мэй, посмотрим на их выводок, – вздохнул сержант Фаррат.

Он привез Бьюлу к ее дому, где сразу же было установлено, что все круглые коробочки с семенами жакаранды, забившие водосточные желобы по периметру крыши, исчезли: должно быть, их сдуло ветром. Сержант на медленной скорости

повел автомобиль дальше в поисках обвиняемых. Нэнси, опершись на метлу, болтала с Перл, которая поливала дорожку из садового шланга. Ирма Олменак сидела у ворот. Лоис и Бетти глазели на витрину универсама, на локте у каждой висела плетеная корзинка. Мисс Димм стояла посреди школьного двора в окружении детворы. На другой стороне улицы Рут Димм и Норма Пуллит, выгружавшие из красного фургончика мешки с почтой, взяли короткую передышку. Все видели Бьюлу в машине сержанта, видели, как она тявкала на беднягу Фаррата. Горожане улыбались и махали полицейскому автомобилю, который ехал по главной улице, время от времени сигналивая, чтобы освободить путь.

В семье Максуйни понедельник выдался славным. Ветер дул с востока, и, стало быть, их обветшалое жилье находилось с подветренной стороны от свалки. Эдвард Максуйни восседал на старом автомобильном сиденье и чинил сетку на ловушках для птиц, заделывая рваные мелкие ячейки новой проволокой и оборачивая ее вокруг ржавых стальных колец. Трое ребятишек гонялись по двору за квохчущими цыплятами, а поймав, отнесли к колоде для рубки мяса, где Барни стоял в неуклюжей позе с топором в руках. Его рубаха была заляпана кровью, окровавленные перья налипли на лезвие. По щекам Барни текли слезы. Видя это, Принцесса Маргарита вручила ему кочергу и отправила поддерживать огонь под большим медным котлом, в который опускали убитую птицу, а сама взялась за топор. Мэй доставала цыплят из котла и ощипывала, после чего Элизабет укладывала розовые сморщенные тушки на пень и рывком извлекала внутренности.

Джек-рассел-терьеры принялись беспокойно лаять, бегая по кругу и заглядывая в глаза Мэй. Та на секунду задержала взгляд на автомобиле.

- Фараоны, - заключила она.

При слове «фараоны» Эдвард, по натуре тихий и спокойный, вскочил, как ужаленный, и рванул прочь вместе с сеткой. Охотники за цыплятами, две девчушки в штанах с нагрудниками и мальчуган лет трех в полосатой пижаме, помчались к воротам. Малыш держал ведро, наполненное стеклянными шариками, каждая из девочек - палку. Та, что повыше ростом, начертила палкой на земле круг, мальчик высыпал в него шарики, и оба увлеченно бухнулись на коленки. Их сестренка подправила клетки старых «классиков», когда-то давно расчерченных на сырой красной глине перед воротами, и запрыгала по ним на

одной ножке. К тому времени, когда черный полицейский «холден» остановился перед воротами, дети были заняты игрой. Сержант Фаррат посигналил, однако его проигнорировали. Он посигналил снова. Высокая девочка неохотно открыла ворота. Эдвард вернулся обратно и с невинным выражением лица уселся на скамеечку возле своего дома-фургона.

Бьюла выскочила из машины. Сержант Фаррат предложил гомонящей ребятне леденцы из пакетика. Зажав угощение в ладошках, они побежали к матери, которая спешила навстречу с окровавленным топором в руке. Маргарет и Элизабет шли по бокам от нее, взметая за собой шлейф из белых с алым перышек. Руки Элизабет были красными по локоть, Маргарет несла горящую, как факел, ветку.

– С добрым утром, – дружелюбно поздоровался полицейский и улыбнулся ребятне.

Дети улыбнулись в ответ, демонстрируя пухлые щечки и подбородки, перемазанные липкой слюной.

– Скажите, миссис Харриден, эта троица – те самые дети, которых вы видели? – задал вопрос сержант Фаррат.

– Да! – взвизгнула Бьюла. – Они самые, мерзавцы!

Она замахнулась для удара. Сержант Фаррат, Эдвард, Мэй и старшие дочери одновременно сделали шаг вперед.

– Выходит, было две девочки и мальчик?

– Да, да, я прямо как посмотрела на них, так и вспомнила.

– А как же школьная форма?

– Скинули, поди.

– Я еще не хожу в школу, – заявил мальчуган, – и Мэри не ходит. А Виктория пойдет через год.

- Виктория, ты хочешь поскорее пойти в школу? - спросил сержант.

Все трое ребят в один голос отозвались:

- Не-ет, лучше уж на свалке рыться!

Сержант Фаррат оглядел выстроившихся перед ним грязных карапузов. Дети не сводили глаз с пакетика леденцов, который высовывался из его нагрудного кармана.

- Значит, сегодня утром вы все рылись на свалке?

На этот раз ответы прозвучали один за другим:

- Не-а, тут бездельничали. На свалку мы ходим по пятницам, когда привозят новый мусор...

- Сегодня мы ловили цыплят.

- Затря на речку дунем, рыбу ловить.

- А ну, не коверкай слова! - строго сказала сыну Мэй.

- Врут они, врут! - неистовствовала побагровевшая Бьюла. Она вся взмокла, от нее резко воняло потом. - Они швыряли семена на мою крышу!

Дети переглянулись:

- Сегодня? Не-ет.

- Мы этого не делали.

- Хотите, покидаемся?

Бьюла, вне себя от злости, топала ногами и верещала, брызгая слюной:

– Это они! Они, говорю!

Дети озадаченно смотрели на нее, затем мальчуган изрек:

– Миссус, у тебя печенка от злости трещит. Видать, ты вчера злобственных порошков объелась.

Мэй наградила юного Джорджа подзатыльником. Его сестры усердно изучали собственные башмаки.

– Вы уж извините, – сказала Мэй, – это они от других всякой гадости набираются.

Сержант Фаррат кратко объяснил миссис Максуйни необходимость искоренять дурные наклонности в зародыше и подавать хороший пример.

Мэй скрестила руки на груди.

– Да знаем мы, сержант, только тут уж ничего не поделаешь.

Сержант Фаррат обернулся к Бьюле:

– Миссис Харриден, достаточно ли вам будет слышать крики этих детей из-за фургона, где я преподам им надлежащий урок, или вы желаете, чтобы я выпорол их до полусмерти прямо здесь, у всех на глазах?

Максуйни согнулись пополам от хохота. Сержант Фаррат вручил Виктории пакетик с леденцами, Бьюла нетвердой походкой вернулась к машине. В ярости она треснула кулаком по фаре и едва не разбила ее, а потом так сильно хлопнула дверцей, что в вагончиках Максуйни задребезжали стекла. Наклонившись к месту водителя, Бьюла стала без перерыва давить на клаксон.

Сержант Фаррат вывез свою пассажирку за ворота и остановился. Он перегнулся через Бьюлу, чтобы открыть ей дверцу. Оказавшись вплотную к ней, сержант продолжал спокойно, ровно дышать. Бьюла вжалась в сиденье.

– Миссис Харриден, я не еду в вашу сторону – не имею права расходовать казенный бензин. Высажу вас здесь. – Он нажал на ручку.

На вершине холма Тилли Даннедж, опершись на лопату, наблюдала, как Бьюла Харриден вываливается из черного полицейского авто. Тилли улыбнулась себе под нос и вернулась к работе: она перекапывала мягкую почву под огородные грядки.

6

Уильям припарковал «триумф-глорию» перед универсамом Праттов и зашагал по залитой утренним солнцем тропинке. Улыбнулся Мюриэль, которая перекладывала магнитные подковы и стенные крюки, учтиво приподнял шляпу перед Лоис – та, почесываясь, искала на полках консервированный горошек, – махнул Реджу и Фейт в мясном отделе. Фейт ожидала, пока для нее нарежут два стейка из говяжьего филе, и негромко напевала: «Ты вскружил, вскружил мне голову...»

– Нравится эта песня, да? – проговорил красавчик мясник, сверкнув белозубой улыбкой.

Фейт покраснела и накрыла ладонью пышный бюст. Блеснули золотые перстни.

– У вас приятный голос, – сказал Редж и спрятал длинный острый нож в жесткий чехол на поясе. На его широкой груди под накрахмаленной белой сорочкой перекачивались мускулы, синий полосатый фартук облегал плоский живот. – Желаете еще чего-нибудь, Фейт?

От волнения у нее едва не отнялся язык. Указав на полку с мучными изделиями, она попросила:

– Булочку с повидлом, будьте добры.

В кабинете Гертруда, склонившись над стеклянной перегородкой, стирала пыль.

- Простите... - обратился к ней Уильям.

Она выпрямилась и одарила его широкой улыбкой.

- Здравствуй, Уильям.

- Здравствуйте, ми...

- Меня зовут Гертруда, Гертруда Пратт. - Она протянула пухлую ручку, но Уильям ее не заметил, так как озирался по сторонам.

- Не подскажете, где мне найти мистера Пратта?

- Конечно, - выдохнула Гертруда и указала на заднюю дверь. - Он... - хотела продолжить она, но Уильям уже ушел.

Мистер Пратт выгружал коробки из телеги Эдварда Максуйни.

- Вы-то мне и нужны, - произнес Уильям.

Мистер Пратт сунул большие пальцы рук под завязки фартука и поклонился.

- А-а, вернулся наш эмигрант, - со смехом произнес он.

- Мистер Пратт, можно вас на пару слов?

- Разумеется.

Мистер Пратт открыл дверь кабинета и крикнул дочери:

- Гертруда, принеси счета «На семи ветрах»!

Он снова поклонился, пропуская Уильяма вперед.

Гертруда передала отцу толстую папку.

– Нам надо переговорить с глазу на глаз, – сказал он ей.

Выходя из кабинета, Гертруда слегка задела Уильяма рукой, однако все его внимание было сосредоточено на папке со счетами, которую мистер Пратт прижимал к груди.

– Я бы хотел купить несколько рулонов проволочной сетки и дюжину связок металлических колышков... – Уильям осекся, видя, что Элвин Пратт решительно качает головой.

Гертруда стояла у колбасного прилавка. Она видела, как молодой человек тербит шляпу и переминается с ноги на ногу, как вытягивается его смуглое худощавое лицо. Когда ее отец с ухмылкой произнес: «Триста сорок семь фунтов десять шиллингов и восемь центов», Уильям тяжело опустился на стул. Гертруде показалось, что твидовый пиджак вдруг стал велик ему в плечах. Она отправилась в туалет и наредила губы красной помадой.

Мужчины стояли у парадной двери: Уильям хмуро смотрел в землю, мистер Пратт довольно улыбался солнечному зимнему дню. Гертруда бочком приблизилась к ним.

– Рада вашему возвращению домой, Уильям, – проворковала она.

Он посмотрел на нее пустыми глазами.

– Благодарю... И вам спасибо, мистер Пратт, я подумаю, что можно сделать. Всего доброго.

Уильям медленно побрел к машине, сел за руль и невидящим взглядом уставился на приборную доску. Мистер Пратт обратил внимание на дочь, которая смотрела на Уильяма влюбленными глазами.

– Иди работай, – велел он и степенно направился в дом, бормоча себе под нос: – Надо же, что вообразила себе... Толстая клуша, никому ее не сбегрить... и уж конечно, не Уильяму Бомонту.

Мюриэль подошла к дочери и встала у нее за спиной.

– Бал в честь футбольной команды состоится через две недели, в субботу, – сообщила она.

Табличка на двери библиотеки гласила: «Открыто по средам и субботам с 12.00 до 17.00. За справками обращаться в офис Совета графства». Тилли с прищуром посмотрела на главную улицу, по которой, точно муравьи, сновали люди, и решила прийти в среду. Она отвернулась. На глаза ей попало здание школы, расположенное через дорогу. На площадке было полно детей: мальчишки играли в футбол, девочки прыгали через веревочку, малышня просто бегала и скакала. Мисс Димм подошла к столбу и подергала за шнурок. Звонко запел колокольчик, дети гурьбой хлынули в класс. Тилли не спеша пересекла улицу и вошла в парк. Под перечными деревьями все так же стояли низкие скамеечки, где она обычно съедала школьные завтраки... Заметив вытоптаннный клочок земли перед верандой, Тилли улыбнулась: школьники, как и прежде, собираются здесь по утрам. У реки она села на берегу, скинула сандалии, опустила ноги в янтарную воду и стала рассматривать кончики пальцев. Мимо проплывали листочки эвкалипта, над головой вились насекомые. Небо роняло в воду мелкие дождевые капли.

Когда Тилли училась в школе, они заходили в класс неровным строем, высоко поднимая колени и размахивая руками в такт барабанному бою. В барабан старой колотушкой увлеченно стучал Стюарт Петтимен, крупный, плотный десятилетка. Маленькая девчушка рядом с ним в такт извлекала звуки из треугольника, а мисс Димм громко командовала: «Напраа-во! Шаа-гом ‘арш!»

Дети подходили к партам и маршировали на месте позади коричневых стульев, пока мисс Димм не отдавала приказ: «Стой, рраз-два! Садитесь и не скребите стульями по полу!» Какое-то время слышался скрип и лязганье, потом наступала тишина. Дети сидели за партами, сложив руки перед собой, и ожидали, что скажет учительница.

«Миртл Даннедж, за вчерашнюю драку, которую ты устроила после уроков, я опять назначаю тебя дежурной по чернильницам. Все остальные, откройте тетради и возьмите карандаши». – «Но я дежурила только вче...» – «Миртл Даннедж, ты будешь дежурить столько, сколько я скажу». В тот раз мисс Димм лупила ее по пальцам ржавой линейкой с криком: «Я не разрешала тебе распрямлять руки!» Белые следы от линейки еще оставались на пальцах Миртл, когда она готовила чернила. Стоя у умывальника, она смешала черный порошок

с водой, а потом медленно, осторожно двинулась от парты к парте с кувшином. Наливать иссиня-черную жидкость в чернильницы было трудно. Требовалось сделать это, не пролив ни капли, но Миртл не видела, какая чернильница еще полная, а в какую нужно добавить чернил. Она подошла к Стюарту Петтиму. Чернила, налитые доверху, запузырились на белом ободке чернильницы, и тогда Стюарт толкнул парту. Чернила выплеснулись, потекли по столу, закапали прямо на его голые коленки. «Мисс Димм, она облила меня! Испачкала меня чернилами!» – заверещал Петтими. Мисс Димм подошла к Миртл, ударила по голове, а потом за косу выволокла на улицу. Дети гроздьями повисли на окнах, громко хохоча. Целых полдня Миртл просидела на веранде, на всеобщем обозрении. Когда уроки закончились, она опрометью побежала домой, но ее настигли. Загнав жертву в угол, одноклассники сперва несколько раз сделали ей «крапивку». Потом Стюарт Петтими велел держать Миртл за руки с обеих сторон, а сам, словно бешеный бык, с разбега ударил головой ей в живот. Она охнула от боли и, скрючившись, упала на землю. Мальчишки стащили с нее трусы и принялись тыкать пальцами, делая вид, что морщатся от запаха. Девочки припевали: «Дура Даннедж – дочка шлюхи! Шлюхино отродье! Миртл Даннедж – сучка! Миртл Даннедж – сучка!»

* * *

Мэриголд Петтими сидела возле мягко светящейся радиолы, уложив прямо поверх папильоток пузырек со льдом, и ждала своего мужа Эвана. Тихонько бормотало радио – заканчивались шестичасовые новости. «А теперь о погоде. Сегодня ожидается небольшой дождь».

– О господи, – вздохнула Мэриголд.

Она взяла с журнального столика маленький коричневый пузырек, вытряхнула на ладонь три таблетки, разом проглотила, откинулась на спинку кресла и потеряла виски. Это была худая, нервная, похожая на гончую женщина. От постоянного возбуждения на ее щеках горели красные пятна. Услышав, как в замке двери-ширмы повернулся ключ, Мэриголд резко выпрямилась и с беспокойством крикнула:

– Эван, это ты?

– Да, дорогая, – донеслось в ответ.

– Сними туфли и стряхни пальто, прежде чем входить, хорошо?

Башмаки Эвана застучали по дощатому полу веранды, клацнули сдвинутые прищепки. Эван отпер дверь и шагнул на кухню, вымытую и продезинфицированную не хуже операционной.

Эван Петтимен, плотный светловолосый толстяк с желтоватым цветом лица и маленькими пронзительными глазками, любил потрогать женщин. В разговорах он имел привычку близко наклоняться к собеседнице, облизывал губы, а во время танцев крепко обнимал партнершу, прижимаясь к ней бедром. Женщины в Дангатаре были вежливы с советником Петтименом – как-никак, глава графства и супруг Мэриголд, – однако, завидя его, тут же отворачивались и начинали разглядывать витрины либо вспоминали, что забыли купить кое-что важное в магазине на другой стороне улицы. Мужчины тоже его избегали, хотя пожимали руку со всей сердечностью. Советник Петтимен потерял сына, да и вообще в жизни ему досталось – чего стоит хотя бы его жена, невротичка Мэриголд. Как чиновник, Эван Петтимен хорошо справлялся со своими обязанностями, решал многие вопросы, не понаслышке знал, что такое зарабатывать на хлеб собственным трудом.

Когда Эван появился в Дангатаре, Мэриголд была невинным созданием, хрупким, застенчивым цветком. Ее отец возглавлял Совет графства и оставил дочери в наследство кучу денег. Эван Петтимен женился на ней, легко вскружив девушке голову. У нее начали пошаливать нервы, с годами состояние ухудшалось, но окончательно надломила Мэриголд трагическая смерть их сына – Стюарта Петтимена убили.

Эван направился напрямиком в ванную. Снял одежду, положил в корзину для белья, аккуратно закрыл крышку. После душа облачился в чистую накрахмаленную пижаму, которая лежала тут же на скамейке, свежесвыстиранный халат и суконные тапки, почти новые.

– Добрый вечер, голубка моя, – поздоровался он и чмокнул жену в щеку.

– Ужин в холодильнике, – сообщила она.

Эван Петтимен поел за кухонным столом. Холодная говядина, томаты, очищенные от семечек, ровные кругляши свеклы без лишней жидкости, аккуратная горка тертой моркови, отварное яйцо, разрезанное надвое. Два ломтика белого хлеба, щедро намазанные маслом. Зная, что со стола посыплются крошки, Мэриголд подстелила под стул мужа газетку. Золотистый апельсин из собственного сада Эван почистил и съел над мойкой, не забыв выбросить корки в мусорное ведро. Мэриголд убрала со стола. Вымыла тарелку, вилку и нож в кипятке с мыльной пеной, залила мойку чистящим гелем, тщательно смыла, ополоснула и вытерла насухо, потом протерла все ручки и дверцы, на которых могли остаться следы от пальцев мужа. Эван вымыл лицо, причесал усы в ванной и вернулся на кухню.

– Завтра будет дождь, – сказала Мэриголд с истерическими нотками в голосе. – После него нужно будет мыть все стекла, да и дверные ручки с оконными задвижками пора как следует почистить.

Эван улыбнулся жене:

– Голубка моя, сейчас не время...

– Весна на дворе! – взвизгнула Мэриголд и прижала пузырь со льдом к вискам. – Я уже помыла стены и плитусы, вытерла пыль с потолков и карнизов. Теперь пришел черед заняться дверями и окнами, надо только, чтобы ты снял ручки и задвижки.

– Избавь себя от лишних хлопот, дорогая, вымой вокруг них, да и все. Я очень занят.

Мэриголд сунула в рот кулак, забилась в угол, где стояла радиола, и закрыла глаза, вновь водрузив пузырь со льдом на макушку.

Эван наполнил грелку горячей водой.

– Пора в постельку, – пропел он и налил в ложку укрепляющую микстуру, которую жена принимала перед сном.

Мэриголд сжала губы и отвернулась.

- Дорогая, нужно выпить микстуру.

Она зажмурилась и отрицательно помотала головой.

- Ну хорошо, завтра я встану пораньше и перед завтраком сниму все дверные ручки и задвижки.

Мэриголд открыла рот. Эван дал ей микстуру, помог лечь в кровать.

- Двадцать лет назад Стюарт упал с дерева... - произнесла Мэриголд.

- Да, дорогая.

- Двадцать лет назад я потеряла моего сыночка...

- Ну-ну, птичка моя, успокойся.

- Я его не вижу.

Эван передвинул фотографию улыбающегося мальчика, их погибшего сына.

- Двадцать лет...

- Да, дорогая.

Эван налил в ложку еще микстуры, дал жене выпить. Когда Мэриголд уснула, он разделся и наклонился над ней, облизывая губы, потирая руки. Откинул одеяло, задрал ее ночную сорочку. Уложил безвольное тело так, как ему удобно: раздвинул колени жены, руки закинул за голову. Встал на четвереньки у нее между ног.

Наутро Мэриголд Петтимен, защищенная от опасного дождя крепкими стенами, стояла у кухонной мойки, погрузив красные, как копченая колбаса, руки в горячий мыльный раствор, и тщательно отмывала все дверные ручки и оконные задвижки.

В пятницу вечером футболисты и несколько фермеров сгрудились в дальнем углу бара, изучая схему футбольного поля, прикрепленную на мишени для игры в дартс поверх истерзанной дротиками фотографии Боба Мензиса[4 - Роберт Мензис (1894–1978) – австралийский государственный и политический деятель, 12-й премьер-министр Австралии.]. На схеме в различных точках простым карандашом были нанесены фамилии игроков. Эксперты стояли кружком, качая головами.

– Черт побери!

– Чтоб мне лопнуть...

– Тренер от жары совсем сбрендил.

– Ну нет, если верить Тедди, у него свой план, своя тактика.

– Тедди просто хочет на тебе заработать.

– Сколько ты поставил?

– Фунт.

– Тренер прав, Бобби – мощный игрок, вот что важно.

– Лучше бы ему стоять по центру.

– Не забывай, у него травма.

– Он уже оправился после смерти своего пса?

Мужчины вновь покачали головами и вновь сосредоточились на схеме поля.

- Гунна - на позиции ровера[5 - Ровер - в австралийском футболе - свободный игрок.].

- Гениальный ход! Если выпускать его на замену в связке с Бобби, эти двое уведут мяч с нашей половины на пятьдесят минут.

Это замечание было встречено одобрительным гулом. Засунув руки глубоко в карманы, мужчины отвернулись от стены.

В баре царило напряжение. Игроки, настроенные на завтрашний матч, и их болельщики толпились у стойки. Повсюду стояли кружки с пивом. Посетители задумчиво рассматривали стену, потягивая янтарный напиток. Когда в кружках осталось на один глоток, мужчины многозначительно переглянулись, хлопнули друг друга по рукам, надели фуражки и направились к выходу: их ждали на поле. Перл посмотрела на мужа и послала команде воздушный поцелуй. Ее ногти были покрашены ярко-красным лаком в тон губной помаде.

- Фред, разве тебе не нужно с ними?

- Перли, детка, мы должны подготовиться к большому празднику.

Она подошла к нему и склонила голову ему на плечо.

- Я так люблю наших парней...

Фред развернул Перл к себе, крепко обнял за талию худыми руками и зарылся носом в ее глубокое декольте, так что виднелись только кончики ушей.

- Они тебя тоже любят... - глухо проговорил он.

Зрители, выстроившиеся вдоль белой загородки, смотрели на бегающих по полю футболистов, чьи возбужденные крики эхом отдавались в зябких сумерках. Стремление к честной победе придавало спортсменам сил и мужества, несмотря на владевшие ими опасения. Болельщики волновались о судьбе сделанных ставок. Конечно, в победе своей команды они были уверены, и все же...

Практически все дангатарские мужчины, мальчики и даже местные псы собрались на стадионе посмотреть на тренировку перед большим финалом, послушать зажигательную речь тренера в раздевалке и растереть бедра и икры футболистов согревающей мазью. Умница капитан и его соратники по команде с благодарностью оценили невероятные усилия тренера и отозвались на его слова приветственными возгласами, после чего торжественно исполнили гимн клуба, по-товарищески обнялись, обменялись рукопожатиями и отправились по домам, где их ждал ужин – отбивные с картофельным пюре и зеленым горошком, – а после – сон.

Болельщики вернулись в паб. Прежние чемпионы, принесшие Дангатару победный кубок, – теперь ветераны войны, которые сидят по домам в полумраке гостиных и слушают радио, но завтра они поднимутся из своих кресел, забыв про контузии, эмфизему и простатит, и придут на стадион, даже если это будет их последний выход. Перл так волновалась, что ей хотелось грызть ногти. Болельщики у стойки бара хмуро смотрели в кружки. Хэмиш О’Брайен и Септимус Кресант, заядлые спорщики, сегодня молчали.

– Боже милостивый! – воскликнула Перл. – Что же это мы? – Она ободряюще улыбнулась посетителям бара, но никто не улыбнулся в ответ. – А как вам новая девушка в городе?

Бледные лица вдоль стойки, пустые взгляды.

– Еще одна недотрога, – прокаркал старый гуртовщик с седыми бакенбардами.

– Между прочим, наш красавчик нападающий положил на нее глаз, – сообщил один из стригалей.

– Кто?

Открылась дверь, ворвался ветер, и знакомый запах возвестил о появлении Тедди Максуйни. Едва Тилли сошла с автобуса, как он начал обильно посыпать себя тальком.

– Новая подружка, – хмыкнул стригаль.

- Миртл Даннедж, - объявила Перл.

- Это, должно быть, Тилли, - подмигнул ей Тедди.

- Такая же распущенная, как мать? - задал вопрос гуртовщик.

Тедди вытащил из карманов стиснутые кулаки и выпятил грудь.

- Тихо, тихо, - вступился Фред.

- Я слышал, девчонка симпатичная, - сказал стригаль.

Перл поставила перед ним кружку пива и сгребла со стойки монеты.

- В общем, да, - подтвердила она, обиженно засопев.

- Еще какая симпатичная, - ухмыльнулся Тедди.

- Похожа на нашу Перл, - высказался гуртовщик, глядя на нее масляными глазами.

Фред поймал его взгляд.

- На мою Перл, - предостерегающе произнес он и с такой силой выжал над раковиной тряпку, которой протирал кружки, что та заскрипела.

- Теперь - твоя. - Стригаль в несколько глотков выпил пиво.

Посетители бара отвернулись. Его пустая кружка стояла на стойке, Перл не торопилась ее наполнять. Тедди подошел к стригалю - руки опущены, но готовы к драке.

- Я вспомнил ее! - воскликнул Реджинальд и щелкнул пальцами. - Это дочь Чокнутой Молли. В школе мы ее...

– Редж, заткнись! – Тедди подскочил сзади, взметнув кулаки, и заплясал в позе боксера.

Все опять повернули головы.

Стригаль поднялся со своего места.

– Эй, я тоже помню за ней кое-какие темные делишки. По пути домой зайду-ка к Бьюле, поболтаем...

Тедди налетел на него, точно стервятник, в мгновение ока сбил с ног, коленями прижал его спину к полу, занеся руку для удара в челюсть.

– Прекратите! – закричала Перл. – Тедди, ты же наш основной нападающий!

Тедди опустил руку, тяжело дыша.

– Кое-кому из вас отныне лучше придерживать язык, – сказал Фред и перевел палец со стригалья на старого гуртовщика.

– А Тедди лучше сегодня пораньше лечь спать, – глухо проговорил стригаль. – Стоит мне чихнуть, и он вылетит отсюда через окно.

Редж и остальные окружили стригалья.

– Тедди, пожалуйста, не надо, – слезно попросила Перл.

Тедди Максуйни встал с пола, отряхнулся. Стригаль тоже поднялся и смерил его взглядом.

– Судя по всему, сегодня мне здесь больше не нальют. Ну, и нечего тут делать.

Он вразвалочку двинулся к двери, схватил фуражку и растворился в темноте. Взгляды всех присутствующих обратились на Тедди. Он примирительно поднял вверх обе ладони:

- Допью и тоже пойду.

Тедди вышел из бара и зашагал домой сквозь клубы тумана. Сержант Фаррат, совершавший вечерний объезд на полицейском автомобиле, притормозил возле него, но Тедди махнул рукой, показывая, чтобы тот ехал дальше. Лежа в кровати, он долго смотрел через окошко вагончика на желтый квадрат света в комнате Тилли на вершине холма.

Болельщикам Дангатара пришлось вынести четыре невыносимо долгих тайма упорной и ожесточенной схватки с Уинерпом. Свою команду они поддерживали чудовищной бранью и вполне обоснованными угрозами. К концу четвертого тайма игроки, насквозь мокрые и задыхающиеся, еле волочили ноги от усталости; руки и ноги были разбиты в кровь. Не испачкаться удалось только Бобби Пикетту: на его шортах по-прежнему виднелась заутюженная складка, а фуфайка была сухой. При этом, правда, он каким-то образом лишился переднего зуба.

За тринадцать секунд до окончания чистого времени команда Уинерпа сравняла счет. Тедди Максуйни, значительно удалившийся от своей позиции, во время вбрасывания рыбкой поднырнул к мячу, который мелькал между дюжиной ног, ухватил его и помчался к воротам соперника. Множество рук тянулось к нему, но Тедди стряхивал их, и они соскальзывали, точно он был намазан горячим вазелином. Пробившись к четырем высоким столбам, Тедди в падении послал левой ногой мяч вперед. Мяч соскользнул с бутсы, лениво подскакивая, покатился и пересек линию внешних ворот за долю секунды до финального свистка. Вместе с ним в ворота ввалилась красно-зелено-грязная мельтешащая толпа.

ДАНГАТАР 11-11-77 УИНЕРП 11-10-76[6 - В австралийском футболе каждая команда имеет двое ворот, внешние и внутренние. Гол во внутренние ворота приносит 6 очков, во внешние (боковые) - 1 очко. Запись 11-11-77 означает, что команда Дангатара забила 11 голов во внешние ворота, 11 - во внутренние и набрала в матче 77 очков. Таким образом, Дангатар победил Уинерп с минимальным перевесом в одно очко.]

Гудки автомобильных клаксонов салютом взорвали вечерний воздух. Трибуны ревели от возбуждения, разочарования, злости, радости, восторга. Земля содрогалась от аплодисментов и топота болельщиков. Истекающие кровью игроки плотной волной, похожей на гигантскую сороконожку, побежали через поле в объятия фанатов. Ни одна футбольная команда в мире не испытывала такого счастья, никакой другой город не радовался победе столь бурно. На закате над равнинами Дангатара поплыл мощный хор голосов, исполнявших гимн клуба. Все население от мала до велика хлынуло к привокзальному отелю.

Грохотали дешевые петарды; сигнальные ракеты, рассыпая искры на две мили вокруг, озаряли темное небо. Перл в белых шортах, полосатой фуфайке и чулках в сеточку пританцовывала за барной стойкой. На ногах у нее были надеты футбольные бутсы, зашнурованные чуть не до самых колен. Фред натянул грязную майку арбитра; из-за отворотов его красно-синей вязаной шапочки гордо торчали два белых флажка, украшенных мишурой и целлофановыми цветочками. В таком виде он напоминал щуплого рождественского лося.

Толпа пребывала в разных стадиях опьянения и обнаженности. Одни обнимались без разбору, другие пели и плясали на тротуарах, прыгали с балконов на развернутый шланг пожарного гидранта или предпочитали просто болтать в тихом уголке. Некоторые женщины занимались рукоделием, которое принесли с собой, или даже кормили грудью младенцев.

Реджинальд – с мясницким ножом, заткнутым за шляпу, – играл на скрипке, а Фейтфул О’Брайен стояла у микрофона и перебрасывалась шутками с девицами Максуйни; все трое не пожалели румян и помады, а волосы украсили голубыми розами. Сидели они так, что из-под задравшихся подолов виднелись резинки чулок и кружева нижних юбок. Максуйни курили сигареты и хихикали. Сержант Фаррат, в цилиндре, фраке и ботинках с металлическими набойками, отбивал чечетку на стойке бара. Тощий Скотти Пуллит угощал всех направо и налево своим арбузным самогоном, приговаривая: «Попробуйте, особая выдержка!»

Тедди сделал глоток – пищевод обожгло огнем – и потянулся за следующей порцией. Септимус Кресант, который раздавал брошюры «Общества плоской Земли»[7 - «Общество плоской Земли» – организация, основанная в XIX веке в Англии и позднее возрожденная в США и других странах, пропагандирующая идею, согласно которой Земля имеет форму плоского диска.], столкнулся с Уильямом Бомонтом. Скрестив руки на груди, Уильям с затравленным видом стоял возле Гертруды, а та взирала на него сияющими глазами. Рядом с

Уильямом сидели его мать и сестра. Элсбет, как всегда, была недовольна, Мона рвалась танцевать, но робела. Уильям взял у Септимуса листовку, увильнул от Гертруды и пошел вместе с Септимусом в бар. Там Септимус снял с головы каску и швырнул ее на линолеум, расписанный под зеленый мрамор. Макушка у него была такая плоская, что на нее можно было поставить тазик варенья.

– Крепкая, – заявил он и в подтверждение своих слов наступил на каску ногой.

– Зачем вы ее носите? – полюбопытствовал Уильям.

– В младенчестве со мной произошел несчастный случай, с тех пор я плохо переношу высоту. Я и сюда-то переехал, потому что тут земля ровная и до обрыва далеко. Здешняя местность чуть выше уровня моря, поэтому нас не зальет, когда наступит конец света, вода потечет не к нам, а от нас, к обрыву. Ну, и конечно, есть холм.

– Конец света?

Мимо просвистел дротик. Он воткнулся прямо между глаз Роберта Мензиса.

– Тост! – провозгласил сержант Фаррат. – За сегодняшних обладателей второго места, за вторую после нас команду, владеющую футбольным искусством. За Уинерп!

Все молча выпили.

– А теперь с гордостью поднимем бокалы за наших храбрых и непобедимых игроков. За чемпионов! За великую футбольную команду Дангатара!

Тост был поддержан громкими одобрительными возгласами, свистом и аплодисментами. Футболистов подняли на руки и торжественно пронесли по бару под бесконечное повторение гимна клуба.

Когда незадолго до рассвета Бьюла Харриден проходила мимо отеля, вечеринка еще продолжалась. Тут и там можно было видеть осоловелых гуляк. Кусты мелко подрагивали – видимо, там развлекались парочки. Те, кто еще был в

состоянии идти, под руки вели домой своих менее выносливых приятелей. Скотти Пуллит сидя спал у барной стойки, рядышком вытянулась Перл, она тоже спала. Фред сидел возле них и потягивал горячее солодовое молоко.

8

Рут Димм оперлась на колесный отбойник почтового фургончика и, щурясь в лучах утреннего солнца, устремила взгляд на железнодорожные пути. Хэмиш О'Брайен ходил по платформе с большой лейкой, из которой капала вода, и поливал яркие петунии, пучками махрившиеся по углам террасы. Издалека слышался протяжный гудок. Хэмиш остановился, сверил время по карманным часам и повернул голову в ту сторону, откуда доносилось мягкое, нарастающее «чух-чух-чух». Поезд компании «Томсон и К

ЮАЖД», прибытие которого ожидалось в девять часов десять минут, пыхтя и громяхая, летел в Дангатар на максимальной скорости – тридцать две мили в час.

Поезд подошел к станции, длинные шатуны на колесах замедлили ход, повалили серо-белые клубы пара, стравленного с поршней, гигантский черный агрегат, проскрежетав, замер, потом еще раз дрогнул и устало выдохнул. Сигнальщик махнул флажком, Хэмиш дунул в свисток, и кондуктор сбросил к ногам Рут большие холщовые мешки с почтой. После этого он выволок из вагона темно-каштанового щенка овчарки, упирающегося от страха, подвел к Рут и передал ей поводок. На ошейнике висел ярлычок с надписью «Пожалуйста, напоите меня».

– Это для Бобби Пикетта? – спросил Хэмиш.

Рут потрепала щенка за бархатные уши.

– Да, от Нэнси.

– Надеюсь, овец эта псина боится меньше, чем паровозов, – ухмыльнулся кондуктор.

Он выгрузил из ручной тележки и поставил у фургончика чайную коробку. Хэмиш и Рут с любопытством посмотрели на нее. Сверху большими красными буквами было написано, что посылка адресована мисс Тилли Даннедж, Дангатар, Австралия.

Поезд тронулся. Хэмиш и Рут провожали его взглядом, пока тот не превратился в серое облачко дыма на горизонте. Хэмиш О'Брайен повернул мясистое лицо к Рут. В розовых складках кожи под голубыми глазами стояли слезы. Сунув в зубы трубку, он произнес:

- Теперь повсюду ставят дизельные двигатели...

- Знаю, Хэмиш, знаю... - Рут ласково похлопала его по плечу. - Технический прогресс.

- К черту прогресс! В дизелях и электричестве совершенно нет поэзии. Кому нужна скорость?

- Может быть, фермерам, пассажирам?

- Да чтоб им провалиться, этим пассажирам! Дело вообще не в них!

Ввиду предстоящего футбольного бала и Весеннего конно-спортивного праздника на почту пришло множество бандеролей и посылок: женщины заказывали каталоги модных магазинов, новые платья, ткани и шляпки. Внимание Рут, однако, занимала чайная коробка с адресом, выведенным красными буквами. Ее содержимое было разбросано у почтмейстерши под ногами. Маленькие свертки, обтянутые ситцем, перевязанные и заклеенные, жестянки, запечатанные воском, сложенные отрезки материи - ничего подобного Рут прежде не видела. Рецепты и картинки заграничных блюд, фото стройных, элегантных дам и худых мужчин - манекенщиц и манекенщиков, улыбающихся на фоне знаменитых достопримечательностей Европы. Открытки из Парижа на французском языке, вскрытые письма с почтовыми штемпелями Марокко и Бразилии, адресованные каким-то людям, но переправленные для прочтения Тилли. Рут обнаружила баночку, в которой находились необычные по форме пуговицы и сходные по стилю застёжки, старомодные пряжки, а помимо этого -

десятки метров изящных кружев в перевязанном свертке из Брюсселя и американские книжки: одна называлась «Городок и город»[8 - «Городок и город» (1950) – роман американского писателя Джека Керуака, важнейшего представителя литературы «бит-поколения».], другую написал какой-то Хемингуэй. Рут прочла пару страниц этого Хемингуэя, но поскольку про любовь он не писал, отшвырнула книгу в сторону и занялась маленькой жестяной коробочкой, крышка которой была закреплена при помощи клейкой ленты. Открыв коробочку, Рут сунула в нее кончик длинного носа. Внутри оказалась непонятная засушенная трава серо-зеленого цвета с загадочным сладким ароматом. Рут закрыла коробочку. Открутила завинчивающуюся крышку на банке, в которой находилось нечто похожее на влажный, коричнево-черный клей. Рут поскребла ногтем поверхность вещества, лизнула. На вкус – так же, как и на запах: запаренное сено. Среди прочего была еще баночка мелкого сероватого порошка с горьким ароматом и старая жестянка из-под растворимого какао, содержавшая что-то вроде засохшей грязи. На зеленом ярлыке кто-то подписал: «Разводить теплой водой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20545717&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Поле для игры в австралийский футбол имеет вид овала размерами 185 м в длину и 155 м в ширину (допускаются небольшие отклонения). – Здесь и далее примеч. пер.

2

Мельбурнский кубок – знаменитые скачки на ипподроме Флемингтон-парк в пригороде Мельбурна, самый престижный двухмильный гандикап в мире.

3

Веджимайт – густая горьковато-соленая паста темно-коричневого цвета на основе дрожжевого экстракта, национальное блюдо Австралии. Используется в качестве спреда, который намазывают на хлеб, сэндвичи и крекеры, а также для начинки типичных австралийских булочек. Веджимайт изготавливают из остатков пивного сусла и различных вкусовых добавок.

4

Роберт Мензис (1894–1978) – австралийский государственный и политический деятель, 12-й премьер-министр Австралии.

5

Ровер – в австралийском футболе – свободный игрок.

6

В австралийском футболе каждая команда имеет двое ворот, внешние и внутренние. Гол во внутренние ворота приносит 6 очков, во внешние (боковые) – 1 очко. Запись 11-11-77 означает, что команда Дангатара забила 11 голов во внешние ворота, 11 – во внутренние и набрала в матче 77 очков. Таким образом, Дангатар победил Уинерп с минимальным перевесом в одно очко.

7

«Общество плоской Земли» – организация, основанная в XIX веке в Англии и позднее возрожденная в США и других странах, пропагандирующая идею, согласно которой Земля имеет форму плоского диска.

8

«Городок и город» (1950) – роман американского писателя Джека Керуака, важнейшего представителя литературы «бит-поколения».

Купить: <https://tellnovel.com/rozali-hem/mest-ot-kutyur-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)